

Основная часть русской армии, расквартированная в обезлюдившей и разоренной Риге, вышла в поход на юг еще в январе 1711 года, то есть до объявления войны с Оттоманской Портой. Ее главнокомандующий, генерал-фельдмаршал Шереметев, пока оставался в Риге. Царь Петр обязал его заготовить провиант для рижского гарнизона.

Русская пехота, кавалерия и артиллерия, оставив тесные городские стены, с трудом двигалась по заснеженным, глухим дорогам, преодолевая тысячи верст санного пути. Солдаты, даже бывалые, испытанные ветераны, не чувствовали ни малейшего удовлетворения от происходящего. Им не удалось как следует откормиться и отдохнуть в обнищавшей, голодной Прибалтике. И теперь, по слухам, они обеспечены фуражом и продовольствием в лучшем случае только на один месяц.

Больше всех страдала пехота. Драгуны и артиллеристы, имея лошадей, могли по мере надобности свернуть с главной дороги и пуститься грабить ближайшие села и хутора. Ничего крамольного в этом не наблюдалось: даже горемычные хуторяне, к которым являлись лишние мародеры, считали это делом обыкновенным.

Несколько лет подряд к ним наведывались синемундирные шведы и забирали все, что попадало под руку. Теперь врывались голодные москвиты в темно-зеленых кафтанах и делали то же самое. Все воюющие армии мира, безусловно, считали благом оказаться на чужой земле и беззастенчиво грабить бесправное местное население. Так было во все времена.

Величайшим несчастьем оборачивалось возвращение победителей в собственную страну: тогда ее население — все без исключения — становилось обязательными кормильцами своих солдат. А кому это понравится? Ранее, до Петра, основу войска составляли «служилые люди» — стрельцы. Государство в лице царя-батюшки наделяло их земельным наделом, и каждый служилый человек сам обрабатывал его, кормил себя и семью.

Но как только к границам России приближались орды крымских татар или полчища ляхов, стрелец брал в руки пицаль, саблю или бердыш, садился на коня либо в телегу и отправлялся защищать родимые пределы. Теперь все обстояло иначе. Армия сделалась регулярной. Бывшие стрельцы, холопы, крестьянские парни, часть посадского люда стали солдатами. И не знали никакой другой жизни, помимо военной.

Однако немногим она пришлась в радость. Даже то, что у солдата напрочь отпадала львиная доля забот о ведении собственного хозяйства — о вспашке земли, посеве зерна, заготовке сена, выпасе скота, жатве и молотье — это не веселило его. Он мог лишь с грустью вспоминать былое.

И семья, в которой он появился на свет, и та, которую он желал бы иметь, сделались для него чем-то призрачным и недостижимым. Отныне его домом стала походная палатка, женою — тяжелая фузая (ружье), детьми — пули и картечь, а неусыпными трудами — кровавые битвы с неприятелем.

Современников Петра, и более всего царственных особ, поразило и восхитило его умение сделать военнообязанными всех жителей государства. Ни в одной европейской стране тогда не существовало всеобщей воинской повинности. Только русскому самодержцу удалось поставить под ружье каждого десятого мужчину призывного возраста.

А с началом новой турецкой войны Петр приказал поверстать в солдаты и всех извозчиков. Молодых же дворян безотлагательно готовить в офицеры и объявить всенародно: кто сыщет укрывающегося от военной службы или известит о нем, отдаст тому в собственность все деревни уклониста. И тут же враждебный, глухой ропот пронесся по всем городам и весям. К тому же в стране начался очередной рекрутский набор.

Армия, между тем, неуклонно и трудно двигалась на юг. Ее командующий фельдмаршал Шереметев, с грехом пополам заготовив продовольствие для рижского гарнизона, в начале февраля выбрался из города. Он выехал по зимнему пути в теплом возке, но через неделю был вынужден спешно пересаживаться в карету.

Небывало ранняя оттепель напрочь испоганила все дороги. Фельдмаршалу приходилось отчаянно колесить по запущенным полям, ища проезжих мест, дабы не увязнуть по самые ступицы в топкой, раскисшей земле. И в прибавку к тому же с сумрачных, свинцовых небес частенько валил липкий, мокрый снег, сменявшийся проливным, секущим дождем.

Старый фельдмаршал, проклиная судьбу и погоду, был вынужден на день отнавливаться в первой попавшейся избе, а с приходом ночи, лишь едва подмораживало, двигаться дальше. Он помнил наказ царя, требовавший от него «неустанно поспешать».

Борис Петрович сокрушенно вспоминал: в войне со шведами государь твердил всем своим помощникам, что «надобно томить неприятеля» и никоим образом не торопиться, а тут все наоборот!

Фельдмаршалу, в силу возраста и медлительности характера, было по душе первое, но ничего не поделаешь! И еще он знал, что общего, тщательно разработанного плана всей кампании не существовало — все происходило наскоком и с колес.

Осуждать или не выполнять царевы распоряжения Шереметев не смел, однако же огромный опыт и чутье старого полководца подсказывало: нынче торопиться нельзя, ибо поспешность не только вредна, но и губительна.

С начала нового 1711 года изо всех губерний России, помимо Петербургской, было набрано двадцать тысяч рекрутов. И сверх того собирались деньги на их обмундирование и пропитание. К этому еще должно было доставить семь тысяч лошадей с фуражом и деньгами на овес, из расчета на восемь месяцев. (Видимо, царь предполагал, что война с турками более не продлится).

Всем губернаторам за ненадлежащее исполнение указов угрожали строжайшими карами, будто изменникам, и новые рекруты (впрочем, как и сейчас) всячески уклонялись от службы. А при любом удобном случае сбегали. Чтобы предотвратить побег, пустили в ход «круговую поруку»: родителям беглецов грозили ссылкой и огромным денежным штрафом. Но толку выходило немного.

Кстати, и сами помещики, владельцы крестьян, умышленно скрывали истинное количество своих крепостных, дабы избежать рекрутского набора. По их докладам выходило, что в деревнях и селлах, увы, нет молодых здоровых парней, а проживают одни лишь старики, детишки и бабы. Тогда государь принял крутые меры — помещиков стали наказывать отнятием имения и ссылкой в Сибирь.

А в холодные арестантские избы и мрачные остроги потянулись вереницы скованных по рукам и ногам молодых людей. И многие из них отнюдь не отличались силой и статью, скорей, наоборот. Комиссары, принимавшие и осматривавшие новобранцев, поначалу удивлялись тому, сколь тщедушно и невзрачно оказалось свежее пополнение. Но вскоре, к стыду, уразумели, что сами стали жертвами обмана.

А выяснилось вот что: крепкие и здоровые парни по дороге сбегали, и унтер-офицеры или местные дворяне, сопровождавшие рекрутов, хватали первого попавшегося бродягу от двадцати до тридцати лет, мигом одевали в кандалы и вели в места сбора. Там несчастного помещали в острог вместе с ворами и убийцами, а через несколько дней новоиспеченного «рекрута» определяли в пехоту, кавалерию или артиллерию. Обряжали в грубый, сермяжный мундир и отправляли в действующую армию.

Основную силу ее составляла тогда инфантерия (пехота), именно туда и требовалось наибольшее количество рекрутов. Тверских, ярославских, московских, тамбовских, орловских, курских, тульских, рязанских и других парней, наскоро приведенных к присяге, выстраивали в колонны и под охраной нескольких унтер-офицеров и десятка сержантов выводили на почтовый тракт. Впереди на телегах с провиантом ехали унтеры, а новобранцы вместе с сержантами пешим порядком уныло тянулись следом.

Но стоило закончиться городским предместьям и околицам деревень и сел, как дорога непременно углублялась в лес.

Стояла ранняя весна. По буеракам и оврагам еще грудился крепкий, твердый наст. Земля едва-едва отходила от зимних холодов. Деревья под дерзкими порывами ветра глухо стучали голыми, безлиственными ветвями. Где-то поодаль тревожно и бранчливо каркало воронье.

Колонна шагала в полном безмолвии. Новобранцев угнетало не одно лишь издевательство и насилие над их незадачливой судьбой, но и сиюминутный, навязчивый страх. Любой русский человек знал и помнил всегда: лес — это прибежище злых, свирепых душегубов, начиная от Соловья-разбойника, Кудеяра и Вань-

ки-Каина. И поэтому рекруты молча топтали ногами скользкую, сырую землю, стараясь не смотреть по сторонам.

Смачно чавкали конские копыта, пронзительно визжали несмазанные втулки колес, телеги крепко потряхивало. Унтеры, тоже поддавшись общему унылому настрою, только легонько шлепали вожжами по бокам лошадей, и даже сержанты перестали зычно и зло покрикивать на понуро бредущих подчиненных. Все, по-видимому, считали, что чем меньше шума, тем надежней путь, однако.

Едва колонна прошагала пять верст, как путь ей преградила толстая, в полтора обхвата, поваленная осина. Уложена она была на крутом, накатанном повороте так хитро, что унтер, сидевший на первой повозке, не сумел ничего разглядеть, пока конь не уткнулся в нее передними ногами. Ездок едва-едва успел схватиться за ружье. А с обеих сторон уже раздался залихватский, залиvistый, оглушительный свист. Он был по-своему красив и многозвучен: с переливами, завитками и коленцами. Только у людей, слышавших его, мигом уходила в пятки душа.

— Сарынь, на кичку! — грозно прозвучало из чащи.

— Тати, станичники! — благим матом завопил рябой, неказистый сержант.

Охрана выставила ружья, и началась беспорядочная, бесполезная пальба. Новобранцы бросились в панике кто куда — один полез под телегу, за ним ринулся еще с десяток земляков, другие в спешке попрыгали в придорожные кусты, третьи попросту распластались на земле. Унтеры и сержанты, вынужденные не только отражать нападение злодеев, но и следить за подопечными, окончательно растерялись. А лихие налетчики, одетые в самые немислимые наряды — в вывернутые полшубки, драные армяки и кургузые кафтаны, в лохматые малахаи и островерхие башлыки, — с гоготом, воем и руганью накинудись на расстроенное воинство. Размахивая топорами, кистенями, ножами и дубинами, они сходу порешили нескольких сержантов. Унтеру в передней телеге досталось по загревку топором. Остальных доби́ли ножами и дубинами.

Все это разбойники сотворили ловко и проворно. Потрясенные и перепуганные рекруты, с ужасом видя эту страшную картину, лежали на земле и в кустах, дрожа и твердя молитвы помертвелыми губами.

Все было кончено в несколько минут, и ни один из злодеев не пострадал. Только лошади едва не испортили всего происходящего — во время налета часть из них пугливо откатывалась в сторону, пыталась встать на дыбы, рвалась из оглобел.

Теперь к ним ласково приблизились крепкие, заботливые молодцы и, беря в руки поводья, привычно и умело усмиряли животных. К телеге, под которой тесно сгрудились насмерть перепуганные новобранцы, подошел чернявый в залатанном зипуне мужик и куражливо прикрикнул:

— Ну, и чаво вы там, служивые, нашли? Коли чо фартовое — делитесь!

К нему поспешили его сотоварищи.

— Ну, давай-давай! Не жмитесь! Ишь, скупердяи! Оделите всю ватагу! — раздался насмешливый, задиристый голоса.

Рекруты осторожно подняли головы — над ними стояли и озорно перемигивались разновеликие, отчаянные и дерзкие мужики.

— Дяденьки, не трожьте нас! Пощадите, — жалобным голосом проблеял один из несчастных парней.

Ватажники куражливо, оглушительно захохотали. Воронье, незаметно подлетевшее к месту побоища, встревожено каркая, взмыло с деревьев.

— Ты поглянь, каки храбрецы! — задорно воскликнул чернявый. — Поди, на турку шли войной? Нехристей, герои, побить хотели? Эхма, куды с добром! Тоды им конец! Ха-ха-ха.

Очередная волна хохота оказалась куда оглушительней прежней, и воронья стая отлетела еще дальше. А кони вновь потревожено заходили в оглоблях. Парни,

нутром почуяв, что смеющиеся люди не станут лишать их жизни, неуклюже полезли из-под телег, а те, что лежали на земле, трусливо поднялись на ноги.

— А таперя живо стройсь, ратнички хреновы! — неожиданно scomандовал чернявый, оказавшийся предводителем шайки. — Чтобы каждый был тута!

Рекруты, недоуменно переглядываясь, толкаясь и наступая один другому на пятки, создали некоторое подобие воинской колонны. Главарь терпеливо наблюдал за происходящим. Его подручные снисходительно посмеивались.

— Слухай меня зараз, православные! — Взобравшись на передок телеги, резким, зычным голосом отчеканил вожак. — Ежели кто не желает служить царю Петрухе — охальнику и врагу рода христианского — пушай пристаёт к нам! — Он немного помолчал и добавил тише: — А кто не желает, скатертью тому дорога.

Новобранцы взволнованно переглядывались. Почти каждому хотелось вернуться домой, только как признаться в этом лиходеям? А главарь и его пособники, вида растерянные, нерешительные лица парней, крепче сжали в руках ножи и топоры.

— Ну што, молодцы? — с вызовом воскликнул вожак, — хто хочет попытать вольной волюшки? Пожить в веселии и довольстве, никому в пояс не кланаясь, шагай сюды! Примем с почетом.

Ватажники с грозным вызовом смотрели в перепуганные физиономии новобранцев. Казалось, еще одно усилие, еще один наглый, решительный напор, и все они окажутся в разбойничьей шайке. Но тут раздался резкий, короткий свист и вопль:

— Сарынь, спасайся! Облава.

Разбойники стремглаз, без лишнего движений и слов, заткнув за пояс ножи и топоры, закинув на плечи кистени и дубины, бросились врассыпную. Ловко перепрыгивая через рытвины и пни, бесследно затерялись среди елей и сосен. Полтора десятка новобранцев ринулись за ними. Остальные сбились плотной, взволнованной кучей.

Через несколько мгновений послышался конский топот, и на дороге появилась темная цепь всадников — это спешило дворянское ополчение, занимавшееся розыском и поимкой дерзких разбойничьих шаек. Завидев толпу молчаливых, настороженных людей, они на скаку выхватили палаши и потянули из-за пояса пистолеты.

— Мы свои, барин! Свои! Не трожь, Христа ради! — донесся опасливый выкрик из толпы рекрутов.

Предводитель поднял руку, предупреждая свою команду. Верховые опустили вскинутые клинки, натянули поводья, и кони перешли на рысь. Глазам всадников предстала тревожная и безрадостная картина: у обочин валялись тела поверженных унтер-офицеров и сержантов с пробитыми головами, перерезанными гортанями и размозженными лицами, а в центре сгучились две сотни парней в перепачканных сермяжных кафтанах.

— Кто такие? — властно окликнул предводитель, хотя и сам понял, кого он видит перед собой.

— Некруты, ващбродь! Помилосердуйте! — виновато выкрикнул кто-то.

Ополченцы молча окружили несчастных новобранцев. Воронье деловито и жадно облепило верхушки берез и елей. В лесу сгущались сумерки.

Шестого марта 1711 года в Москве государь всенародно объявил о своем грядущем браке с Екатериной Алексеевной (бывшей кухаркой и наложницей Мартой Скавронской) и отправился вместе с ней следом за главной армией, спешившей к границам Османской Порты.

Своего сына, двадцатилетнего царевича Алексея, царь оставил надзирать за государственным правлением в его недолгое отсутствие. (В дополнение к Правительственному Сенату). А ближайшего помощника, Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, указом назначил военным губернатором Санкт-Петербурга.

Жених и невеста, имевшая от него двух дочерей (еще два сына умерли вскоре после родов), сели в простую почтовую карету и под охраной эскадрона драгун по смоленской дороге направились в сторону Польши. Денщик государя и его кабинет-секретарь сопровождали их верхами.

Правда, накануне поездки царь колебался — брать или не брать с собой верную подругу? Однако Екатерина настояла на своем:

— Ваше Величество, а ну как что в дороге приключится? Недуг или хворь, не дай Бог, пристанет? Кому ходить тогда за Вами?

Государь, памятуя о своем не слишком могучем здоровье и живительном воздействии на него умелой и заботливой женщины, согласился. И как потом оказалось, себе во спасение.

Весна, пришедшая ранее обычного, тоже сильно тревожила государя. Неустанно торопя Шереметева, он понимал, какие тяготы претерпевала вся армия, идущая на юг.

Едва выехав из Москвы, почтовая карета, влекомая парой лошадей, с превеликим трудом катила по разбитой, разъезженной, в ухабах и промоинах дороге. Драгунам, сопровождавшим царя, подчас приходилось спешиваться и, поднатужившись, вытаскивать экипаж из очередной канавы. Петр, матерясь и проклинающая все на свете, подбадривал их грозным окриком, а его крепкая, пышнотелая невеста только весело и задорно смеялась.

Казалось, ее не пугают никакие трудности: ни дорожные, ни житейские. Петру было некогда думать о личных, семейных делах — все мысли его поглощали государственные и военные заботы. Но все-таки вспоминая свою первую супругу Евдокию и любовницу Анну Монс, он готов был поклясться, что ни та, ни другая ни за какие сокровища на свете не отважились бы отправиться вместе с ним в эту изнурительную, кошмарную поездку! А бывшей служанке лютеранского паспорта хоть бы что!

И, внезапно подавшись чувству признательности и благодарности, царь обнимал свою верную подругу, а та с превеликой готовностью пыталась расшнуровать корсет, только карету безжалостно потряхивало и дальнейшие поползновения приходилось откладывать.

После Можайска дорога резко отвернула на юг, а буйство весны стало неудержимым. Островки ноздреватого, мокрого снега прятались лишь по глухим овражкам, из-под жухлой прошлогодней листвы робко пробивались голубые и белые чашечки подснежников. По тугим, белоснежным стволам берез, из трещин и морщин, неудержимо струились терпкие вешние соки. И по обочинам дорог бежали бойкие, говорливые ручьи.

Все это никак не радовало Петра. На всех малых реках: Москве, Угре, Протве, Наре — благополучно сошел лед. А когда, миновав Вязьму, карета достигла Днепра, путникам стало ясно: природа шутить не намерена. Река вот-вот была готова вскрыться. Лед, посиневший и вспухший, пошел глубокими, грозными трещинами.

Царь вылез из экипажа, подошел к берегу, свежий ветер раздувал полы его темно-зеленого кафтана и едва не сорвал с головы черную треуголку. Придерживая ее рукой, Петр, цепко прикидывая расстояние, всмотрелся в противоположный берег, потом решительно скомандовал капитану драгун:

— Валите деревья, ребяташки! Мостите гать! Прохлаждаться недосуг.

Капитан не посмел ослушаться, и через несколько минут на берегу Днепра за-

кипела жаркая работа. Драгуны топорами и палашами рубили ивы и ракиты, спешно укладывая стволы и ветви на ледяной панцирь реки. Деревья уже принарядились в пушистые, похожие на мохнатых шмелей, сережки, достойно встречая желанную пору пробуждения.

Екатерина, оставив карету, резво подошла к месту будущей переправы, без малейшего страха, с любопытством глядя на азартно работающих людей. Верховья Днепра в этом месте были нешироки, пожалуй, саженой с сотню, однако для того, чтобы соорудить мало-мальски надежный путь, пришлось вырубить под корень более полутора сотен деревьев, безжалостно оголив пологий берег.

Топоры стучали задиристо и смачно, во все стороны брызгал весенний сок, словно подбадривая отчаянных дровосеков. Ощущение риска, грозящей каждому опасности заставляло всех трудиться безропотно и с огоньком. Никто никого не понукал и не торопил — в этом не было ни малейшей нужды. Любой солдат понимал: царь рискует наравне со всеми, и вместе с ним его благоверная! А она, судя по всему, ничуть не тревожилась за свою молодую жизнь.

Вплотную, одно к другому, укладывая на крошащийся лед стволы деревьев и стеля поверх покрывало из веток, драгуны во главе с капитаном постепенно удалились к противоположному берегу. Рискованный путь будто бы был готов.

Большая часть солдат, денщик государя и секретарь, держа в поводу коней, остались на месте, рядом с царской каретой. Петр, поколебавшись (он, видимо, намеревался пешком перейти Днепр), посмотрел на свою подругу и, взяв ее за руку, решительно повел к экипажу:

— Ну, в добрый путь! Поехали, Катеринушка! Коль погибать, так вместе!

Он подсадил невесту на ступеньку кареты и взобрался сам.

— Трогай, любезный! С Богом! — раздался царский окрик.

Ямщик хлестко ударил по лошадям. Почтовый экипаж, неуклюже и зыбко покачиваясь, осторожно скатился на хлипкий настил. Кони, чувствуя под ногами жидкую, нетвердую опору, всхрапывали и широко раздували ноздри, но привычно подчиняясь неуступчивой воле человека, покорно ступили на шаткий путь.

Петр невольно схватил руку Екатерины, желая успокоить и ободрить ее, только в этом не было нужды. Ладонь подруги оказалась теплой и мягкой, она ответила благодарным пожатием на его заботливый жест. Карета легонько покачивалась — солдаты не пожалели труда и веток, чтобы умягчить царскую дорогу.

Столпившись на обоих берегах, они с опаской следили за государевым экипажем, отчаянно молясь в душе всем святым. А ну как державный властелин вместе со своей разлюбезной рухнет под лед?! Того гляди, и утонет?! Им тогда не сносить голов! Капитан не выдержал и размахисто перекрестился.

Карета с царем и его невестой уверенно катила по пухлой подстилке, а ямщик не давал лошадям скакать во весь опор, дабы не раскатать и не обрушить ненадежную переправу. Лишь когда до берега осталось полтора десятка шагов, он ожег их кнутом, и кони рванули изо всех сил. Экипаж пулей вылетел на твердую землю. Тут солдаты взволнованно загомонили. Ямщик натянул вожжи, и карета разом остановилась.

Царь распахнул дверцу:

— Ну, молодец-мужик! Ну орел. Дай Бог тебе здоровья! Лихо ты эту гать одолел. Исполать тебе!

Возница, довольно молодой крепкий мужчина, задорно ответил:

— Таперя ты меня, царь-батюшка, в солдаты поверстаешь?

Петр весело рассмеялся:

— Вот тут ты, парень, не угадал! Добрые ямщики мне позарез нужны — кто почту будет немедля доставлять? — Он подмигнул солдатам. — И служивых, коли понадобится, перевозить! Трудов всем хватит!

Солдаты добродушно усмехнулись. Они отлично понимали, что царь только шутил. Для них единственным средством передвижения были лишь собственные ноги.

И без промедления государь приказал капитану завершить переправу. По его команде оставшиеся на том берегу, ведя в поводу лошадей, покорно устремились по опасной дороге. Военная служба приучила их безропотно подчиняться приказам. Люди и кони старались двигаться легко и невесомо, чтобы не только лед, но стволы и ветви под ногами не хрустнули и не шевельнулись. Но в душе каждый слезно молился Господу и Богородице, веря в то, что Всевышний и Матерь Его помогут им успешно преодолеть эту неверную стезю, простершуюся от берега до берега.

А Петр с Екатериной, выйдя из экипажа, внимательно следили за вереницей людей и лошадей, медленно бредущих через русло реки.

Светило яркое весеннее солнце. Тяжелый, густо-синий покров Днепра угрожающе темнел. И казалось, поджидал удобной минуты, чтобы широко и глубоко разверзнуться и поглотить без остатка упрямых, неумных людишек и покорных животных, дерзнувших потревожить его покой и смирение. Но все обошлось без трагедии.

Вот только после этого царь заболел. Он задыхался. Приступы мучительного, жестокого кашля обычно усиливались перед рассветом, и все длинное, расслабленное тело Петра содрогалось от сухих, режущих ухо хрипов. Промежутки между приступами становились все короче и короче, большой кое-как приподнимался на постели, хватая раскрытым ртом воздух, напоминая огромную рыбину, выброшенную на сушу. Лейб-медик Тирмонд, денщик и заботливая Екатерина неотступно находились подле государя, стараясь изо всех сил облегчить его страдания.

В соседних комнатах, несмотря на ранний час, толпились встревоженные помощники, гости, просители и слуги царя. Крохотный городишко Луцк, принадлежавший тогда Речи Посполитой, был наводнен поляками. Все они наружно держали «руку Москвы» и хотели скорейшего завершения военных действий. Более чем десятилетнее пребывание на польской земле русских и шведских солдат, бесконечные контрибуции и поборы изнуряли местное население.

Из Варшавы прибыл русский посол князь Долгоруков, и вместе с канцлером Головкиным, вице-канцлером Шафировым и кабинет-секретарем Макаровым обсуждал сложившееся положение. Уединившись в небольшом кабинетике местного главы города, они тихо совещались.

— Август (польский король) и австрийский император сумели-таки утихомирить шведского генерала Крассау, — негромко сообщил Долгоруков, — значит, с польских рубежей беды не последует.

Маленький, толстенький Шафиров качнул пышным париком:

— Так-то оно так. Меня, однако же, крепко беспокоят крымские татары. Недавно они вместе с запорожцами сильно погуляли в Малороссии!

Секретарь Макаров осторожно возразил:

— Однако им от Михаила Голицына и князя Долгорукова, — он кивнул в сторону посла, — родни Григория Федоровича — крепко досталось на орехи.

Долгоруков польщенно улыбнулся, а канцлер Головкин вздохнул:

— Только эти нехристи вряд ли угомонятся! Сидят они в своем Крыму, как у Аллаха за пазухой. Чуть что — укрылись за Перекопом — и никто их там не достанет.

Все четверо согласно замолчали. Положение, в котором оказалась не только русская армия, но и вся Россия, виделось им крайне незавидным, а тут еще неожиданная, угрожающая болезнь царя! Каждый боялся признаться даже самому себе,

что, не приведи Господь, с внезапной кончиной государя все они окажутся на краю бездны. Катастрофа, которая неминуемо постигнет их, наверняка станет последней в жизни.

— Помню, летом седьмого года, — уловив общее паническое настроение, неожиданно произнес Макаров, — с государем приключилось нечто подобное.

— Где сие было? — деловито осведомился Шафиров.

— В начале июля в Варшаве, — вместо секретаря ответил Долгоруков.

И вправду, в июле 1707 года в разгар противоборства со шведами на сторону Карла перешел литовский гетман Синявский. Петр тогда находился в Польше и лично руководил военными действиями. Синявского разбили и взяли в плен. Государь спешно уехал в Варшаву, и там его свалила жестокая лихорадка.

— Сколько дней он тогда хворал? — стараясь казаться спокойным, спросил Шафиров.

— Недужил недели три, — сумрачно ответил секретарь.

Долгоруков внимательно окинул собеседников, размышляя вслух:

— Шереметев, даст Бог, на днях переправит армию. Сколько в ней народу?

— Сорок пять тысяч, — негромко обронил Макаров.

— Поляки сему не слишком обрадуются, — посол покачал головой.

Петр догнал армию Шереметева в белорусском городке Слуцке. От него до реки Припяти было верст сто пятьдесят и, по причине полного бездорожья, пришлось одолевать эти версты за пять дней. Лед на реке вспух и угрожающе трещал, но царь вновь приказал мостить гати и пустился по шаткому настилу в карете вместе с Екатериной. В двадцати саженьях от противного берега лед предательски разошелся, и почтовая карета вместе с парой лошадей громоздко ухнула в студеную купель.

Екатерина даже не ойкнула. Фельдмаршал Шереметев, следивший в подзорную трубу за передвижением государя, охнул и перекрестился левой рукой, шепча спасительную молитву. Его генералы потрясенно замерли.

Желая облегчить экипаж, Петр, не раздумывая, шумно спрыгнул в воду, не умея плавать. При своем гигантском росте он окунулся почти по горло, а ямщик едва не захлебнулся. Однако оба, цепляясь за оглобли и облучок, помогли добрым лошадям с превеликим трудом выбраться на твердую землю. Те, храпя и выкатив белки, из последних сил рвались к спасительному берегу. Благо, он оказался недалеко. Генералы на противоположной стороне реки оживленно задвигались.

Солдаты, постелившие гать, с отчаянием и ужасом видя эту бедственную переправу и героические усилия царя, тесно сбились на берегу и отрешенно молчали. С государя и ямщика катилась потоками вода, бедные лошади, трясая мокрыми гривами и роняя с губ розовую пену, хрипели и дрожали.

— Ну, чего застыли?! — гаркнул на солдат ямщик — Разводи костер, растяпы! Так и околеть недолго!

Из кареты выглянула Екатерина:

— Ваше Величество! Полежайте сюда! Переодеться надобно. Умоляю Вас!

Государь с посиневшими губами, едва передвигая ноги и чуть шевеля мозолистыми руками, неуклюже полез в экипаж. На полу кареты хлопала вода, но в остальном все было более-менее терпимо, и верная подруга поспешно извлекала из походного сундука свежее белье.

— Не могу, Катеринушка, пальцы занемели. Подсоби, — непослушными губами пробормотал повелитель.

— Ничего-ничего, батюшка! Мы сейчас, сейчас, — заботливо и жалостно ворковала невеста, проворно и умело раздевая своего суженого.

А на берегу солдаты тут же развели жаркий костер, выпрягли из оглобель дрожащих коней, дали сменную одежду ямщику.

— Мне бы, служивые, хоша бы кто косушку поднес! — бодрясь, воскликнул он. Унтер протянул ему баклажку с водкой. Ямщик, не чинясь, сделал три добрых глотка, зажмурился, крякнул и признался:

— Ужась. Я, братцы мои, белый свет уж не чаял видеть. Сгибну, думал, как паршивый пес.

Солдаты, тесным кружком обступившие бедолагу, как все русские люди, любящие видеть чью-то удаль и молодечество, добродушно посмеивались.

— Поди-ка, земляк, вроде заново народился? — раздался чей-то озорной голос.

— А ты думал? — напористо отозвался ямщик, — А ну, мырни в эдакую купель — я на тебя, смельчака, погляжу. Поди попробуй!

Солдаты оглушительно расхохотались. Ямщик хотел в очередной раз приложиться к фляге, но унтер решительно накрыл ее широкой ладонью:

— Ну, будя! Шибко не спеши, чай, не галопом скачешь.

Возница недовольно поморщился, и солдаты сопроводили все это смехом и шутками. Царь, наскоро переодевшийся в сухое и чистое платье с помощью заботливой подруги, выглянул из кареты:

— Ямщик! Запрягай! Некогда точить лясы, поспешать надобно!

Его не посмели послушаться. Лошадей, едва пришедших в себя от холода, завели в оглобли, приладили как следует, упряжь, ямщик влез на облучок. А за спинами раздался внезапный треск, скрежет и гул — это тронулась Припять.

Кони испуганно дернулись — возница чуть не сверзился навзничь, однако сумел удержаться, крепко натянув поводья. Экипаж, резко качнувшись, бодро набрал ход.

А на том берегу суетливо, как муравьи, копошились темные фигурки солдат. Фельдмаршал Шереметев, кляня все на свете, старался, по мере сил, наладить переправу. Теперь нужно было реквизировать у местного населения лодки и сколачивать плоты. Перевозить тысячи людей, лошадей и орудия. Река, разом взломавшая ледяной панцирь, словно узница, сбросившая тесные оковы, легко, свободно и беззаботно понесла свои светлые воды, не желая никому подчиняться и оказывать хоть какую-нибудь помощь.

Переправившись через Припять и разместив в Луцке и его окрестностях армию, Шереметев, озабоченный тяжелым недугом государя, тем не менее, не оставил забот о дальнейшем продолжении военной кампании. Главным, как всегда, было наличие провианта. Сорокапятитысячное войско в десяток раз превышало население крохотного городка.

Сами обыватели, по слухам, перебивались с хлеба на квас, а тут еще голодные солдаты, не успевшие как следует насытиться за время зимовки.

Весна уже господствовала повсюду: на деревьях появились первые листья, кругом зеленела молодая, свежая трава, пронзительно голубело высокое, чистое небо.

Главная армия под командой Б.П. Шереметева неуклонно, как могла, двигалась на юг. Однако идти общим, единым порядком никак не получалось, и потому пехота, кавалерия и артиллерия перемещались порознь. Но дело было не только в скорости хода тех или иных частей — появились летучие отряды крымских татар, успешно нападавших на растянувшееся войско.

Тогда, не мешкая, фельдмаршал приказал отделить полки Репнина и Вейде и бросить их на отпор дерзких налетчиков.

С криводушным польским королем Августом (он же потомственный саксонский курфюрст — владетельный князь) государь был знаком более десяти лет — со времени своей первой поездки за границу в марте 1697 года. Петру тогда исполнилось двадцать пять лет. Август был двумя годами старше. Пожалуй, он одним

из первых отнесся к властителю «дикой» Московии как к равному. Вероятно, в силу молодости и живости характера — саксонец был ловок, подвижен, смел, большой кутила и бабник. У его нового русского знакомого подобные черты вызывали лишь одобрение и восторг.

«Великое посольство», в котором царь московитов числился унтер-офицером Петром Михайловым, наделало в просвещенной Европе много шума и кривотолков. Чужеземные владыки никак не могли понять, почему российский самодержец прячется в свите своих подданных, упорно выдавая себя за рядового путешественника, чуть ли не за слугу?

Никому не приходило в голову, что за всем этим скрывалась обычная застенчивость и нежелание угодить впросак. С ранней юности Петр не любил пышных церемоний и всякого рода условностей. А попав в Европу, молодой царь тем более не хотел играть роль важной персоны, перед которой все раскланиваются и расшаркиваются, говорят заученные слова и скрывают истинные мысли и чувства.

Вот саксонский князь именно этого и не делал. Оба молодых человека занялись тем, что было свойственно их возрасту и схожести темпераментов — фехтовали, стреляли в цель, бражничали и развлекались.

Подпав под обаяние веселого, ловкого, бесшабашного саксонца, Петр, не раздумывая, горячо поддержал его в притязаниях на пустующий польский престол. (Король Польши Ян Собеский год как скончался).

Август занял королевский трон и поневоле стал союзником Москвы. Но с началом русско-шведской войны многое переменилось. Не все поляки охотно приняли нового короля, весьма значительная часть дворянства (шляхты), владельческие магнаты и глава католической церкви (ее примас) не желали иметь своим верховным владыкой саксонского курфюрста, протестанта по вероисповеданию. (Правда, Август сразу принял католичество, однако противники не унялись).

Этим и воспользовался Карл XII, направив свои войска, после разгрома русских под Нарвой, против полков Августа. Незадачливый король был наголову разбит, и Польша разделилась. Карл, по примеру Петра, назначил новым королем познанского воеводу Станислава Лещинского. Август же бежал в свою родину Саксонию.

Дальнейшие его отношения с царем московитов принимали странные и двусмысленные превращения. Ловкостью и обаянием своего саксонского приятеля Петр уже не обольщался. Он понимал, что все без исключения иноземные владыки смотрят на него как на хозяина таинственной, страшной, варварской страны.

С ним можно заключать временные союзы, но только лишь затем, чтобы воспользоваться его силой и обстоятельствами. Однако при удобном случае его не грех обмануть и предать. Сам Август многократно демонстрировал это. После Полтавской победы Петр восстановил его на польском престоле и теперь, прибыв в польский городок Яворово, больше месяца ждал важной встречи.

Но Август не отважился приехать туда, а остановился в ста верстах, в городке Ярослав. И Петру пришлось самому отправляться на свидание с польским королем. От бывлой признательности и расположения к бравому саксонцу у русского царя не осталось и следа. Слишком много лжи, подлости и предательства испытал он от мнимого союзника.

Даже немногословная, верная Екатерина, садясь с женихом в карету, укоризненно посетовала:

— Какой, однако, он скользкий да увертливый, этот польский король! И до женских юбок падок, страсть!

Петр усмехнулся. Неумное женолюбие, а скорее, распутство Августа вошло в легенды и сплетни. Его сомнительным победам над слабым полком, казалось, несть числа. А количество королевских внебрачных детей якобы равнялось дням в году.

— Твоя правда, Катеринушка! — вздохнул государь. — Токмо с этим бесом уверенным, хочешь не хочешь, а придется уговор держать. Иного пути нет. Вот такая оказия.

Подруга сбоку взглянула в озабоченное лицо своего господина и смолчала. Она давным-давно научилась понимать, сколь сложна, разнообразна и многотрудна роль российского самодержца, призванного почти в одиночку нести на своих плечах бремя войны, мира и благополучия государства. Царь устало прикрыл веки своих выпуклых, круглых глаз.

Он насилу оправился от болезни и старался быть по-прежнему активным и неистощимым на выдумки. Однако не мог не замечать, что обстоятельства весьма далеки от желаемых. А тут еще этот верткий, непостоянный Август! Пожалуй, стоило признаться себе, что из всех европейских владык он единственный, кто идет с Россией хотя бы на призрачные союзы. Все другие — явные или скрытые враги.

Как ни горько было признаться, но блистательная Полтавская победа отнюдь не прибавила России славы и уважения в Европе. Скорее наоборот — почти все зарубежные державы смертельно испугались возросшей мощи Москвы и стали настойчиво плести против нее хитроумные интриги. Видимо, такова человеческая природа...

Город Адрианополь (по-турецки Эдирне) расположился в трех днях пути от Константинополя. Со времени захвата Византии турками он стал важным опорным пунктом, почти второй столицей Османской империи. Когда-то в нем размещался посольский двор и бедный Петр Андреевич Толстой, прибыв в Турцию, прожил здесь больше года, затем весь султанский двор и чужие посольства переселились в Стамбул. Но главным сборным местом для турецких войск остался Эдирне.

Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша, решивший возглавить армию в будущей войне с русскими, тоже прибыл сюда вместе с сераскиром, нурадином и муфтием. Визирь был довольно пожилым человеком, не слишком опытным в военном деле, но стремившимся к головокружительным вершинам власти. А предстоящая война с «неверными» и безусловная победа в ней сулила ему громкую славу и немалые блага.

Выверенных и даже приблизительных планов будущих военных действий у всей османской верхушки не было. Впрочем, как и у Петра. Русский государь делал ставку на быстрый и сокрушительный маневр, совсем как шведский король при походе на Нарву. А великий визирь и его помощники рассчитывали только лишь на численное превосходство своей армии. Она действительно, оказалась немалой.

В самом Адрианопле и вокруг него стояли тысячи белых шатров, в которых разместились тесные отряды конников и пехотинцев. Называть их солдатами, даже в тогдашнем, приблизительном значении, было трудно. Вооруженные пиками, саблями, кривыми кинжалами-ятаганами, кремневыми ружьями и пистолетами, часто луками и стрелами — это пестрое, шумное, разноязыкое, не знающее крепкой дисциплины и правильного строя сборище именовать регулярной армией не поворачивался язык.

Только корпус янычар — безжалостных, неумолимых головорезов, связанных суровых обетом беззаветной службы до смертного конца, — внушал хоть какую-то надежду. Однако, несмотря на привычку и умение воевать, эти лихие удалыцы отличались заносчивым, переменчивым нравом. Если их что-то не устраивало — вплоть до фигуры самого султана, — янычары затевали бунт.

Исход его, как правило, решался не в пользу власть предержащих. Бывший султан Мустафа, старший брат Ахмеда, — наглядный тому пример. А вместе с

султаном сметалась подчистую и вся высшая верхушка. Великий визирь прекрасно помнил это. Важный совет в «диване» с повелителем, на котором присутствовал французский посол маркиз Дезальер, Мехмед-паша тем более не мог забыть.

Хитрый француз всячески подбадривал султана, говоря о том, что армия московитов малочисленна, измотана долгой войной со шведами, совсем не обеспечена провиантом и фуражом. Поляки, крымские татары и казаки нападают на нее со всех сторон, солдаты изнурены голодом и жаждой.

Поляк Понятовский, тоже допущенный на совет, неистово клялся, что воевода Потоцкий собрал солидное ополчение, и оно движется наперерез русским.

— Франция обещала помочь нам вооружением и воинской силой, — напомнил Ахмед.

Дезальер вздохнул и слегка помрачнел:

— Великому султану известно, что Франция вступила в войну с Австро-Венгрией, — маркиз сделал паузу и прозрачно намекнул: — Австрийский император Леопольд, между прочим, — давний недруг Оттоманской Порты.

Это было правдой. Австро-Венгрия, называвшаяся Священной Римской империей германской нации, полтора десятка лет назад наголову разбив турецкие войска, оставалась скрытым врагом Оттоманской Порты. Теперь она вела войну с Францией за «испанское наследство», точнее, за богатые заморские колонии, которые одряхлевшая морская держава уже была не в состоянии удержать.

Но ловкий маркиз старался убедить османов, что его страна изо всех сил попытается отвлечь австрийцев от неизбежного столкновения с турками. Ахмед и его окружение, разумеется, не слишком этому верили, однако считали, что вражда и свара среди «неверных» только на руку правоверным.

— Мой король поклялся, — продолжил Дезальер, — что с окончанием военных действий мы безотлагательно поможем своим друзьям! Всем, чем только можем, — и гладко выбритое лицо француза осветилось широкой, лучезарной улыбкой.

Понятовский, успев пообщаться с австрийским послом Тальманом и зная, что престарелый «король-солнце» недавно отправлял в Москву своего человека, подивился хитрой игре маркиза. Однако османы упорно молчали. Поляк не выдержал:

— Армия московитов успешно движется к Днестру, — с трагическими нотками произнес он.

— Хвала Аллаху, мы знаем об этом! — негромко ответил визирь.

Сераскир поддержал его:

— Славная армия нашего могущественного повелителя готова выступить в поход навстречу гяурам. С нами Всевышний!

Дезальер тут же подхватил:

— И шведский король со своими генералами с радостью вам поможет.

Султан хмуро возразил:

— Мы не нуждаемся в помощи короля! Наша армия отправится в поход по воле Аллаха. А что постигнет ее в день встречи двух войск, свершится по Его милости.

Верховный муфтий, доколе стойко молчавший и внимательно слушавший всех, не преминул заключить:

— Тех, которые будут убиты на пути Божьем, как гласит Коран, не считайте мертвыми! Нет, они живы, они пред Господом своим получают удел свой. Да будет так!

И все османы подняли глаза к небу и старательно огладили ладонями щеки и бороды.

Потом заседание в диване закончилось, а на следующее утро великий визирь вместе с помощниками отбыл в Адрианополь, к армии. Настало время двигаться

навстречу русским. Соблюдая привычный ритуал, после утреннего намаза в начале мая огромная турецкая армия выступила в поход.

Сам визирь ехал в дорогой карете, окруженной конными янычарами, а сераскир, нурадин и муфтий сидели в одном экипаже и тоже под сильной охраной. Настроение у османской верхушки было далеко не воинственным. Дело в том, что во время всеобщей молитвы неожиданно налетел резкий порыв ветра. Он взметнул облака пыли и сорвал с древка зеленое шелковое знамя.

Для суеверных мусульман это было недобрый знаком. Зеленое знамя Пророка не должно подвергаться такому очевидному поруганию! Муфтий, сидевший подле сераскира, негромко читал молитвы, словно стараясь изгнать из воспоминаний досадное происшествие и заодно склонить Аллаха к милости и поддержке в предстоящих битвах:

— О Всевышний! Даруй нам, воюющим за веру, силу и могущество в схватке с неверными! Ободри и укрепь нас! Да снизойдет на каждого правоверного благодеяние и крепость Аллаха!

А сераскир и нурадин, не сговариваясь, размышляли о том, что грозней и неодолимей в предстоящей битве — стадо баранов, ведомое львом, или стадо львов во главе с бараном? Слава Всевышнему, что их тайные помыслы не коснулись слуха великого визира — иначе бы не поздоровилось ни тому, ни другому.

3

Тридцатого мая 1711 года Петр покинул крохотный польский городишко Ярослав и возвратился в Яворово. Катерина, измученная неотступными просьбами и мольбами генеральских жен, упростила государя взять их с собой. Царь вновь поддался на уговоры.

Своей встречей с Августом он остался крайне разочарован. Увертливый саксонец скрепя сердце обещал помочь военной силой. Тридцать тысяч солдат якобы должны вот-вот присоединиться к русской армии. Еще Август клятвенно заверял царя, что, наконец-таки, он намерен разгромить в Померании шведские войска под началом генерала Крассау, дабы они не ударили в тыл русским.

Петр не очень этому верил. А вскоре польская сторона представила ему перечень жестких, невыполнимых требований. Поляки во главе со своим королем жаждали заполучить в управление всю Правобережную Украину, а также город Ригу и освобожденную от шведов Лифляндию. Далее они категорически настаивали, чтобы их навсегда избавили от контрибуций и поставок провианта. И это еще не все.

Когда царь прочел своим помощникам все пункты польского документа, изумлению свиты не было границ.

— Отдать им Украину?! — поразился Долгоруков. — Да они в своем уме?!

— Еще Ригу и Лифляндию?! — вторил ему Головкин. — Сполна заплатить жалование польским и литовским войскам?..

— Щедро наградить тех, кто похвально избегал любого сражения! — ехидно осклабился Шафиров.

Государь кашлянул:

— Слушайте дальше, — он возвысил голос. — Паны-сенаторы пишут о раздаче будущих завоеваний в Турции, — царь с трудом удерживал улыбку. — Они зело жаждут кое-что себе урвать, желательно побольше. Ну, что вы на это скажете?!

Свиту разом проняла оторопь. Посол, канцлер, вице-канцлер, секретарь недоменно переглянулись. Шафиров, как самый бойкий и едкий на язык, не выдержал:

— Петр Алексеич, они что, со своим Августом ума лишились?! Делить шкуру медведя неубитого норвят! Обнаглели вконец!

Картина и вправду казалась невероятной, почти комичной. Спокойный и рассудительный Долгоруков заметил:

— Кто сию бумагу сочинил? Уж не сам ли Август, будучи в крепком подпитии? С него станется.

Петр повертел в руках документ:

— Нет, судари мои, составили его в ихнем сейме. — Царь вздохнул. — И хочешь не хочешь, а придется на него ответ держать.

Он внимательно окинул своих помощников:

— От контрибуций мы чертовых ляхов, так и быть, избавим. — Государь озорно подмигнул. — И шкуру медведя турецкого, коль надо, посулим. — Потом заключил вполне серьезно: — Токмо провиант непременно возьмем. Кормить солдат нечем.

После этих слов царь велел Макарову наложить на вызывающий документ соответствующую резолюцию и передать его польским депутатам. А из всего происходящего, к сожалению, следовало лишь одно: искренних и преданных союзников в грядущих сражениях с османами у России, увы, не оказалось. Осталась только слабая надежда на двух господарей — Кантемира и Бранкована.

Петр все еще надеялся их примирить, тогда бы его положение заметно упрочилось. Однако вражда властителей Бессарабии и Валахии не думала затихать, а все более и более разрасталась.

Приехав в Яворово, государь получил известие, что по распоряжению Кантемира навстречу армии Шереметева пригнали стада овец и волов. Правда, их количество не соответствовало обещанному, но все же. Царь этому несказанно обрадовался: среди всеобщего уныния и неурядиц даже неожиданная милостыня казалась подарком судьбы.

Обсуждая со своими советниками дальнейшие планы военной кампании, Петр размышлял вслух:

— Ежели нам удастся получить провиант и от Бранкована, то турки нам точно не страшны.

Осторожный и скептический Головкин не преминул напомнить:

— А татары, Петр Алексеич, с казаками? Фельдмаршал пишет, что нашим фуражирам они проходу не дают.

Государь согласился:

— Татары — это наша вечная беда... — Царь вздохнул. — Пока с бою крымское ханство не возьмем, покоя от них не будет.

— Хан Девлет-Гирей нас люто ненавидит, — заметил Долгоруков.

Шафиров усмехнулся:

— Ну еще бы! Который уж год он от нас дани воровской не имеет?! — Вице-канцлер хитровато сощурился. — А ненасытному мздоимцу ведь не грех чужим златом поживиться. Грех, когда его нет.

Все невольно засмеялись. Крымские ханы, послушные ставленники турецкого султана, держали в непрерывном страхе все южные рубежи российского государства. И ежегодно получали дань от русских царей. Дань за то, чтобы не грабили наши города и села и не уводили в плен, на продажу, бедных людей. Но в последние годы эта лафа отошла. Петр дани не платил.

При разговоре присутствовал еще один свидетель — бывший сербский посол Савва Рагузинский. Государь обратился к нему:

— А скажи-ка, Савва, что твои сербы подельывают? Намерены они супротив османов идти?

Рагузинский спокойно ответил, что полковник Милорадович тайно отбыл к будущим повстанцам. Он соберет их в небольшие, летучие отряды и постарается хорошо вооружить.

— Шереметев, как мне доложили, — удовлетворенно продолжил государь, — уже благополучно перешел Днестр и движется в направлении Прута. Нам тоже надобно туда поспешать.

Сановники тишком переглянулись. Неустанно напоминая своим присным, что медлить нельзя никак, сам царь, похоже, не очень-то торопился. И опять же этот женский обоз!

Шафиров, набравшись смелости, полюбопытствовал:

— А что, Петр Алексеич, выходит так, что от дамских юбок отделаться воистину невозможно? Медом, что ли, они обмазаны?

Помощники затаили дыхание. Царь смешался. Ему самому донельзя досаждало зримое и незримое присутствие целого эскадрона генеральских и полковничьих жен, вкупе с бойкими служанками.

Возглавляла его в силу обстоятельств, конечно же, Екатерина. Но ее персона менее всего беспокоила Петра. Бывшая служанка пастора умела, если того требовал случай, быть незаметной и необременительной. Даже несуществующей.

Но как только возникала нужда, царская невеста вырастала буквально из-под земли и брала все кругом в свои умелые, не знающие устали и отдыха руки.

— Я полагаю так... — Государь прервал затянувшееся молчание. — Не след оставлять их в этом дрянном городишке. — Он взглянул в лица помощников. — Когда двинем далее, на пути будет Львов, — Петр чуть заметно улыбнулся, — там мы с ними и простимся.

Сановники облегченно вздохнули.

В Бендеры к бывшему генералу Понятовскому тайком добрались его польские агенты. Они подробно сообщили знатному земляку, что русский царь все еще находится в местечке Яворово. И вместе с ним коротают время его ближайшие помощники и большая свита из женщин, иностранцев разного рода и даже детей.

Помимо этих сведений, агенты передали генералу известие о встрече Петра с их нынешним королем Августом. Это заметно его взволновало. Выспросив своих осведомителей обо всех, ими полученных свидетельствах и подробностях, генерал поспешил донести все шведскому королю.

В покоях монарха его привычно встретили верные адъютанты — Шпарре и Гилленкрок. Вид у поляка был настолько тревожный и озабоченный, что они без лишнего расприсов отважились потревожить своего властителя.

— Ваше Величество, — заглянув в спальню короля, доложил Гилленкрок, — к вам явился генерал Понятовский с важными сведениями.

Карл, лежа на кровати, прилежно читал Библию. Подняв от страниц хмурое, рассеянное лицо, он минуту смотрел на своего пожилого адъютанта, намереваясь о чем-то его спросить, потом решительно захлопнул книгу, резко встал и шагнул ему навстречу.

В зале Понятовский и Шпарре уже успели обменяться несколькими фразами.

— Значит, из Ярослава он вернулся в Яворово? — переспросил шведский генерал. — Зачем?

Король и Гилленкрок прервали их. Поляк учтиво поклонился королю, Карл небрежно кивнул в ответ и угрюмо произнес:

— Ну, что там у вас? Говорите.

Агент поспешил сообщить:

— Ваше Величество, царь московитов ездил в Ярослав и встречался там с Августом.

Против ожидания эта весть не произвела на короля ни малейшего впечатления.

— Ну встречался, и что? — узкое, надменное лицо Карла скривилось в снисходительной гримасе.

Адъютанты встревожено переглянулись. Король перехватил их взгляды и выскомерно пояснил:

— Я прекрасно знаю саксонского курфюрста, — он намеренно не называл Августа польским королем, — этот пустой человек не способен ни на один смелый, решительный поступок.

Шведы согласно кивнули головами. Карл язвительно усмехнулся:

— И я, да будет вам известно, удивляюсь царю московитов. Как можно полагаться на этого вертопраха и о чем-то с ним договариваться?! Смешно!

В зале воцарилась тишина. На краткие, убийственные доводы монарха у всех присутствующих не нашлось ни малейших возражений. Понятовский лихорадочно искал оправдания своему визиту.

— И еще, Ваше Величество, — прокашлявшись, объявил он, — польский сейм предъявил Петру ряд требований.

Эти слова, наконец, заинтриговали Карла и его помощников.

— Требований? — Король опустил на первый подвернувшийся стул. — Вот это уже любопытно! Так чего же они требуют? Продолжайте.

И тут бывший генерал подробно поведал своим слушателям все, что вымогали у Петра польские депутаты. Разгорелся спор. Карла возмутило дерзкое желание поляков забрать в свое вечное владение город Ригу и целую Лифляндию.

— Они что, не в своем уме?! Мои солдаты проливали за это кровь! Отдать им Ригу и Лифляндию?! Нет, каковы наглецы! — воскликнул он почти словами вице-канцлера Шафирова.

Адъютанты искренне поддержали его.

— И что ответил им Петр? — король в упор взглянул на Понятовского.

Поляк осторожно улыбнулся:

— Он сказал, что до окончания войны об этом не следует говорить.

— Какой войны? — переспросил Шпарре.

— Очевидно, с турками, — кивнул агент.

О том, что поляки решили еще поделить с русскими османские владения, он предпочел не распространяться.

Шведы молчали. Гилленкрот взглянул на короля, подумал и спросил у Понятовского:

— Вы говорите, пан воевода, что русский царь вернулся в Яворово. Он там кого-то или чего-то ждет?

— Он ждет прихода подкрепления, — быстро ответил поляк.

Шпарре не преминул уточнить:

— Ждет своих или кого-то еще?

Понятовский сокрушенно вздохнул:

— Петр договорился с Августом, что тот пришлет ему тридцать тысяч немецких и польских солдат.

Король сердито выругался. Его адъютанты горячо заспорили. Шпарре стал утверждать, что обещаниям саксонца едва ли можно верить, а Гилленкрот напомнил ему о желании поляков завладеть Ригой и Лифляндией.

— И что из этого следует? — упорствовал Шпарре.

Его оппонент парировал:

— За это ведь надо платить. Тридцать тысяч солдат — неплохой аванс, не правда ли. Царь поэтому и торчит в Яворово. Ждет прихода свежих сил.

Карл некоторое время спокойно слушал эту перебранку, затем обратился к Понятовскому:

— В Померании, как вам известно, находятся Крассау и Лещинский, они там что-то предприняли? Уже полгода от них ни слуху ни духу.

Вопрос поляка не обрадовал, он помялся и уклончиво ответил:

— К сожалению, оба они застряли на берегах Балтики, в Штральзунде.

Король встал и подошел к столу, на котором лежала карта. (Эту карту ему подарил когда-то сам Август). Его адъютанты тоже двинулись туда. Глядя на них, и Понятовский шагнул вдогонку. Карл нашел искомымую точку на карте — тот самый город Штральзунд, в котором засел его генерал и свергнутый польский король. Взяв в руки циркуль и широко раздвинув ему ноги, монарх обратился к Гилленкроку:

— Аксель, сколько здесь миль?

— От Штральзунда до Яворово? — мигом отозвался адъютант. — По прямой, Ваше Величество, не меньше двухсот немецких миль.

У короля, по-видимому, зародился какой-то план.

— Говорят, что часть армии Августа прочно сдерживает их, — рискнул заметить Понятовский.

Лучше бы он этого не говорил! Карл чудом не набросился на него с кулаками. Отшвырнул циркуль и громко выругался. Поляк съезжился. Король сердито заметил:

— Ваши единоверцы, генерал, похожи на жителей Гаваона, — он качнул щеткой редеющих волос, — столь же лживы, алчны и увертливы!

Понятовский не поднимал головы. Карл резко повернулся и скрылся в спальне, громко хлопнув дверью. Минуту спустя Шпарре негромко спросил:

— О каком Гаваоне говорил Его Величество?

Гилленкрок понимающе усмехнулся:

— Это давняя библейская история, Аксель. Из книги Иисуса Навина.

Понятовский, догадываясь о том, что библейская параллель отнюдь не красит ни его самого, ни его соотечественников, осторожно пояснил:

— Между прочим, господа, сюда спешит с большим ополчением Иосиф Потопкий. — Он посмотрел на обоих адъютантов и добавил со значением: — Это бывший киевский воевода. Он готов сразиться с москалями.

— И сколько у него сил? — тут же справился Шпарре.

— Ну, не меньше десяти тысяч.

Гилленкрок некоторое время размышлял, затем спросил:

— Основная армия русских уже перешла Днестр? Так или нет?

Поляк поспешил с ответом:

— Их армия во главе с Шереметевым вот-вот достигнет Прута.

Гилленкрок внимательно окинул собеседников и хитровато сощурился:

— А кто охраняет Петра. Кроме его свиты и легиона женщин?

Шпарре и Понятовский придержали дыхание.

— Его армия ушла дальше, чем за полторы сотни миль... — В голосе адъютанта прозвучало воодушевление. — Если сюда вскоре придут польские ополченцы и Юсуф-паша пошлет с нами хотя бы десять тысяч янычар, то мы...

Собеседники уже поняли весь его дерзкий план. Им тоже показалось весьма заманчивым взять с налету в плен русского царя и разом выиграть войну. И турки, конечно, с радостью на это пойдут.

— Так кто же, господа, все-таки охраняет самого Петра? — повторил вопрос Гилленкрок.

— Гвардейские полки — Семеновский и Преображенский, — не очень охотно ответил поляк. — Еще дивизии Вейде, Репнина и Алларта.

Шпарре озадаченно качнул головой. Понятовский поправился:

— Только все они не стоят вблизи Яворово, а находятся на левом берегу Днестра.

— То есть ближе к нам? — уточнил Гилленкрок.

Поляк молча кивнул. Тут Шпарре отважился на отчаянный шаг:

— А если мы все-таки уломаем Юсуф-пашу и рискнем пойти в обход?

Гилленкрок заколебался, но Понятовский все окончательно развеял.

— Юсуф-паша сегодня утром двинул свои полки навстречу великому визирию. Они уже вышли из Бендер, — прозвучал его негромкий, усталый голос.

— А крымские татары? — напомнил Шпарре и сам себе ответил: — Хотя вряд ли эти наглые разбойники сумеют противостоять регулярной армии.

— Их еще нужно найти и уговорить, — в тон ему прибавил Гилленкрок.

Шведы и поляк обескуражено умолкли...

Не дождавшись подкрепления, обещанного Августом, государь решил отправиться вдогонку за действующей армией. Накануне он совещался с ближайшими помощниками.

— Шереметев отписал мне, — Петр сердито сдвинул брови, — вместо того, чтобы идти к Дунаю, он перешел Прут и гостит себе в Яссах у Кантемира.

— В гостях-то, вестимо, лучше, — понимающе улыбнулся Шафиров, — чем по чужой степи в сухмень и пекло тащиться!

Вся свита согласно кивнула головами. Даже далекому от воинских занятий человеку представлялось очевидным, что двигаться по голой, безводной, иссушенной зноем пустыне со многими тысячами голодных людей было намерением не только рискованным, а попросту сумасбродным. Царь нацелился осадить вице-канцлера, однако неожиданно признался:

— Фельдмаршал горько сетует, что колодцев там нет ни единого. Солдат и коней поить нечем. Вот такая, господа, катавасия. Токмо дело-то не ждет! Промедление — вещь опасная.

Советники угрюмо молчали. Им, людям сугубо штатским, как говорили позднее — партикулярным чиновникам, казалось несомненным, что обречь себя на верную смерть нет неотвратимой причины. И отправиться вдогонку за армией — значит, наверняка сгинуть от голода и жажды.

Головкин, Шафиров, Долгоруков, Макаров старательно отводили друг от друга взгляды и не желали встречаться глазами с государем. Молчание затянулось. Но Петр все-таки ждал ответа и наконец дождался.

— Мы-то как-нибудь сдюжим, а с сударками-то нашими как быть? Ужели возможно их в эдакий ад тащить? — прервал тягостную паузу Шафиров.

Это была, конечно же, очередная уловка. Переведя разговор с самих себя на слабый пол, хитрый вице-канцлер нашел-таки удобный повод поколебать решимость государя.

— Женщин надобно бы оставить здесь, — полуутвердительно произнес Головкин, — мало ли чего.

Екатерина с пятеркой генеральских жен находилась в соседней комнате. Она внимательно прислушивалась к разговору, а ее случайные товарки, в основном немки, не сводили с нее настороженных глаз.

— Оставить-то нетрудно, — резонно подметил Долгоруков. — А как с ними дальше быть

— Отправлять немедля в Россию, — мигом нашелся Шафиров. — Довольно им тут горе мыкать. Не женское это дело. — Он перевел взгляд на царя.

Во время всей словесной перепалки Петр мучительно размышлял, как ему поступить с нареченной и ее многочисленной свитой? Что бы там ни говорили ближайшие сановники, а мгновенного, безопасного решения этой хлопотной задачи не выходило.

Оставлять их до окончания войны в Польше, безусловно, опасно. Значит, нужно отсылать этот бабий десант в Россию. Но тогда придется выделить им для охраны батальон солдат, когда на счету каждая сабля и штык. А лживый, увертливый Август не прислал даже единой роты! Как же тут быть?!

Советники тщетно ждали ответа государя. Ждала его и Екатерина со своими компаньонками. Однако Петр хлопнул по столу тяжелой ладонью и распорядился:

— Ну, все! Будет. Завтра рано поутру двигаем далее. — И, дабы упредить все толки и пересуды, отрезал: — Тогда и с бабами решим. Утро мудренее вечера, как известно.

Помощники молча поднялись и по одному удалились. Настроение у каждого было тягостным. Все прекрасно понимали, что военная кампания шла из рук вон плохо. Война со шведами тоже поначалу велась не лучшим образом. Зато потом, когда противник оказался не у себя дома, все, к счастью, переменялось. Вероятно, тогда нам помогли родные стены. Теперь же вокруг простиралась чужая, неведомая, негостеприимная земля, и впереди ожидала полная неизвестность.

Петр оставил подле себя одного секретаря Макарова. Чтобы отвлечься от докучливых, нерадостных мыслей, царь стал диктовать письмо генерал-адмиралу Апраксину в Воронеж. Там спешно строились корабли для плавания по Азовскому и Черному морям.

Закончив одно письмо, государь принялся за второе. Оно предназначалось родному брату Апраксина, губернатору Астрахани. Петру вдруг пришла в голову мысль развести вблизи этого южного города венгерский виноград. Скорее всего, потому, что сам он очень любил венгерские вина.

Екатерина и генеральские жены, невольно слыша басовитый, рокочущий голос царя, понемногу успокоились. Как большинство женщин, привыкнув к тому, что их судьбы всегда решали мужья, облеченные властью, они особо не вникали в чрезвычайные обстоятельства, будучи загодя убеждены в их благополучном исходе. Если российский самодержец мечтает об обширных плантациях виноградных лоз, то ничего ужасного, конечно же, не случится.

Вечером, после ухода своих помощников, когда они с Петром собирались ложиться отдыхать, Екатерина деликатно осведомилась:

— Батюшка, а с нами-то как быть? (Обычно она обращалась к своему господину «Ваше Величество» и только в особых, интимных моментах называла его «батюшкой»).

— С вами? — государь стянул через голову широкую блузу и остался в рубаше тонкого голландского полотна. Это была одна из немногих его слабостей, в остальном он был весьма небрежен, даже неряшлив. (Совсем, как его заклятый недруг Карл). Царь вздохнул:

— Охо-хо! Свалились вы все на мою бедную головушку. Прямо напасть.

В глазах невесты заблестели слезы:

— Неужто, Ваше Величество, я у вас на шее камнем повисла? А кто ваши порты да рубахи моет, обеды да ужины готовит?

Петру стало не по себе. Он вдруг вспомнил, как верная подруга ходила за ним во время его недавней болезни. Проводила без сна дни и ночи у его изголовья.

— Ну, будет, будет тебе, Катериночка! — Царь, по обыкновению, привлек ее к себе и поцеловал в голову. — Прости меня, грешного. Виноват.

Невеста припала к его груди:

— Батюшка, не отсылай меня! Оставайся рядом. Пригожусь я тебе. Не гони.

Петр крепко обнял верную служанку, которая исподволь, незаметно стала самой близкой его соратницей, готовой идти за ним в огонь и воду.

— Ладно, моя сердешная. Завтра поутру решим. Утро, говорят, вечера разумнее. Так и быть, повременим.

И они в знак примирения дружно улеглись в постель.

Однако утро, вопреки ожиданиям, не стало спокойней и мудрее. Еще до восхода солнца в местечке Яворово, где располагалась ставка государя, закипела сосредоточенная суeta. Солдаты Преображенского и Семеновского полков поднялись

первыми, собирая пасущихся в окрестности лошадей. Трава, хотя и повядшая, но растущая в достаточном количестве, вполне смогла насытить их.

Гвардейцы, надевая на коней уздечки, укладывая им на спины потники и седла, невесело растабарывали между собой.

— А тама, братцы, где турок лютует, кругом жарынь да маята тяжкая, — делился с товарищами своими соображениями самый осведомленный солдат. — Одним словом, сплошное мученье.

— Да как они сами-то в этакое пекле живут? — с легким сомнением любопытствовал другой.

— А вот так и живут! — авторитетно подхватывал третий. — Да еще и бедных христиан мучат.

— Каких таких христиан?

— Разных. Греков там да волхов.

— Каких волхов? — недоумевал еще один.

— Ну, тех, к кому мы идем. (Семеновец имел в виду валахов).

— Нехристи — они нехристи и есть, потому и живут в пекле! — заключил самый осведомленный. — Там им, поганым, и место.

К солдатам подошел сержант:

— Коней, баламуты, заседлали. Будя языки-то чесать! Строиться велено.

Ведя в поводу лошадей, гвардейцы двинулись к месту сбора. Вокруг дома, где находился государь, густо теснился народ. У самого крыльца суетились дамы в пышных кринолинах, окруженные разновозрастными детьми и бойкими служанками. Генеральские и полковничьи жены ожидали выхода Екатерины.

Петр тоже поднялся засветло и на скорую руку диктовал Макарову важное письмо. Не рассчитывая на маломальскую помощь Августа, он решил подстегнуть увертливого саксонца, дабы тот начал активные действия против армии шведского генерала Крассау в Померании. И потому торопил его:

— Пиши, — кивнул царь секретарю, — надеюсь, что у Вашего Величества кампания как морем, так и сухим уже путем началась, — произнес он назидательным тоном и тут же прибавил: — Как же! Держи шире карман. Хотя бы маневры, бестия, произвел.

Макаров, старательно водивший пером, удивленно вскинул брови, и тонкие губы его скривила лукавая улыбка. В комнату вошли Головкин, Шафиров и Долгоруков. Учтиво поклонились государю, однако он сделал им предостерегающий жест рукой. Сановники замерли у порога. Закончив диктовать, царь распорядился:

— Ты, Григорий Федорыч... — Он взглянул на Долгорукова. — Ты остаешься в Польше. И доставишь сию депешу Августу. — Петр кивнул в сторону Макарова, старательно запечатывающего конверт. — Коли он не прислал солдат нам в подмогу, пуцай от шведов покрепче отобьется. С турками мы, даст Бог, сладим сами. Надеяться больше не на кого.

Помощники недоверчиво переглянулись. А посол Долгоруков с трудом скрывал удовлетворение, даже радость, и все потому, что его «минула чаша сия». Теперь ему не придется идти на верную смерть в знойные степи Бессарабии.

Головкин и Шафиров с завистью покосились на него. Вице-канцлер игриво заметил:

— Зато мы, Григорий Федорыч, остаемся в обществе прекрасных дам.

Государь буркнул сердито:

— Никак неподручно их ныне здесь оставлять. — Он хмуро сдвинул брови. — Нет у нас свободных сил, дабы охранять их, либо домой отправить.

В соседней комнате раздались шаги. Екатерина вышла из дверей спальни. Спокойная. Собранная. В простом дорожном платье. Она приготовилась ехать верхом. Петр бросил на нее короткий, цепкий взгляд.

— Нынче двинемся к Днестру, а там нас ждут дивизии Вейде, Алларта и Репнина. Может статься, что у них найдется свободный батальон или пара эскадронов. Авось выручат.

Невеста государя молча выслушала его невнятные, обтекаемые фразы и, не говоря ни слова, переступила порог. На крыльце ее шумно встретили обеспокоенные, страждущие, взволнованные голоса женщин. Государь и его помощники примирительно вздохнули.

4

Самозванный гетман Филипп Орлик, оставив Крым вместе с запорожскими казаками и конницей хана Девлет-Гирея, третий месяц скитался в степях Западной Малороссии. Татары и запорожцы вначале сделали отчаянную попытку преградить дорогу армии Шереметева, но, когда драгунские полки Вейде, Алларта и Репнина дали им умелый и решительный отпор, Девлет-Гирей перешел к проверенным, привычным действиям.

Его джигиты стали дерзко нападать на фуражиров и провиантмейстеров. Поначалу это имело успех, но вскоре русские усилили охрану, принялись выставлять дозоры, ограждали себя рогатками. Крымские удалцы, впрочем, как и казаки, никогда не испытывали желания и потребности в кропотливых, долговременных операциях.

Налететь, как вихрь, ошеломить, порубить и сжечь, а затем, захватив желанную добычу, так же стремительно исчезнуть — вот к чему лежала их степная, жаркая и буйная душа. И потому после месяца частых, пугающих, но сомнительных налетов сами храбрецы заметно выдохлись. А не получив от своих подвигов никакой весомой добычи, кроме мешков овса и охапок сена, они и вовсе упали духом.

Орлик старался вразумить Девлет-Гирея и растолковать ему, насколько важна и необходима роль его конницы в будущей военной кампании. Однако хан сердито отмахивался.

— Мои джигиты не видят в этом толку, — Девлет-Гирей злобно косился на гетмана. — Мы таскаемся за русскими по степи, нападаем на фуражиров, а где настоящая добыча. Где золото, серебро и ясырь?! Никто не хочет рисковать жизнью ради отбитого воза с мукой и сеном.

— Погоди, хан, — не отступал Орлик, — Вот придет визирь с огромной армией, и мы разобьем Петра. — Гетман ободряюще улыбнулся. — И тогда нам достанется вся несметная казна московитов. И серебро, и золото, и алмазы.

Девлет-Гирей недоверчиво воззрился на него. В черных сощуренных глазах татарского владыки застыло бешенство и желание мстить.

— Если визирь промедлит, — негромко процедил он, — мои джигиты разбегутся. Мне их нечем удержать.

Орлик и сам видел, что крымские разбойники держатся из последних сил. Их небольшие, крепкие лошади еще резво бегали наметом, но уже не стелились, как раньше, над раскаленным лоном июньской степи.

— Хорошо, — согласился гетман, — мы пока оставим русских в покое и пойдем навстречу войску султана. Успокой своих удалцов.

Девлет-Гирей нехотя смирился. Перестав совершать лихие набеги и дерзкие вылазки, татары и запорожцы поскакали в Бендеры, где отбывал свою ссылку шведский король.

Основная часть русской армии под командой Шереметева, спокойно перешла Днестр и углубилась в дикие просторы Бессарабии, а крымские преследователи неспешно двинулись вдоль левого берега реки, вплоть до ее прихотливого изгиба.

На правом берегу Днестра, в самой излучине, стояло небольшое село Сороки. В середине июня напротив села показалась татарская конница.

Утром к Девлет-Гирею явились добровольные лазутчики.

— Хан, на берегу стоит армия москвитов, — сообщил главный согладатай.

Девлет-Гирей и гетман, не мешкая, оседлали коней и поспешили следом за разведчиками. Еще не приблизившись к русскому лагерю, они заметили струйки сизого дыма, поднимавшиеся к чистому утреннему небу.

— Москвиты хлеба пекут! — на скаку выкрикнул Орлик своему напарнику.

Девлет-Гирей угрюмо кивнул в ответ. Выскочив на пригорок, они увидели тесные ряды белых палаток, череду грозных полевых орудий, возле которых усердно хлопотали канониры. А спешно вырытые траншеи ограждали крепкие рогатки. Словом, лагерь был оборудован, как того требовала военная наука.

Гетман озадаченно качнул головой. А хан, к своему немалому удивлению, разглядел скопище разнообразных карет и кучки особ женского пола, мирно любезничавших с солдатами.

— Они что, везут за собой гарем? — озадачил он вопросом Орлика.

Гетман с минуту недоуменно смотрел на светлые фигуры в пышных кринолинах, мельтешившие между рядами шатров. Ему, прошедшему боевое крещение в Запорожской Сечи, где любое присутствие женщин настрого запрещалось и ослушнику грозила смертная казнь, было непривычно наблюдать все это. Но вдруг среди гудящей толпы возникла высоченная сутуловатая фигура. Орлик не раз встречался с Петром и потому сразу узнал персону государя.

— А вот и сам владыка москалей, — пробормотал он негромко.

— Где?! — вскинулся Девлет-Гирей.

— Ось тэй, вэлький. Як журавель колодезный, — почему-то ответил гетман по-украински.

Но хан понял и зорко всмотрелся в русского царя. Он много слышал о нем, но видел впервые. И рост, и движения Петра его впечатлили. А у самой воды шумно суетились десятки плотников и землекопов, звеня топорами и стуча заступами.

— Чего они там делают? — удивился хан.

— Строят мост, — задумчиво произнес гетман и прибавил, — на другой берег норовят перебраться.

Он попытался понять стратегию государя и определить дальнейший ход событий. Большая часть русской армии уже перешла Днестр и заняла Бессарабию, а теперь туда идет сам владыка москалей. Орлик взглянул в лицо хана и прочел в его глазах дерзкий, безрассудный порыв: стремглав налететь на тесный лагерь неприятеля, порубить и затоптать его конями, а главное — взять в плен русского царя.

Жеребец хана, почувствовав дрожь в теле хозяина, нервно переступил и тряхнул челкой. Гетман схватил его за повод.

— Смотри! — он кивком указал на длинный ряд орудий.

В руках у пушкарей уже пугающе дымились фитили. Всадников, видимо, заметили, и в лагере установилась тишина. Даже женщины куда-то пропали.

— Ну их к шайтану! — буркнул Орлик, спешно повернув коня.

Девлет-Гирей, обескуражено вздохнув, ударил пятками своего гнедого, разом обогнал напарника и понесся вскачь.

— Чертов татарин! — сердито выругался гетман.

Господарь Бессарабии (Молдавии) Дмитрий Кантемир встретил Петра на полпути от реки Прут до своей столицы Ясс. Встреча была торжественной и шумной, чему способствовало многочисленное окружение молдавского властителя. С ним приехали не только его ближние бояре со своими семьями и прислугой, сам госпо-

дарь тоже взял с собой супругу, дочь Марию (будущую соперницу Екатерины) и младшего двухлетнего сына Антиоха (ставшего впоследствии нашим послом в Англии и Франции. И первым российским сатириком и баснописцем). Среди встречавших был двоюродный брат господаря Валахии Бранкована — Фома Кантакузин и хитрый грек Кастриот.

Вся эта пестрая, шумная, голосистая орава, схожая с цыганским табором, окружила скромный экипаж государя, словно стая разноцветных бабочек. У Екатерины зарябило в глазах. Усатые, кареглазые, чернобровые, белозубые лица заглядывали в окна, широко улыбались и кричали приветствия на незнакомом языке. Всем было весело и радостно.

Петр решительно распахнул дверцу и вылез вон. Высоченная, сутуловатая фигура в темно-зеленом кафтане с ярко-красными обшлагами почти на две головы возвысилась над ликующей толпой.

Наряд царя, по мнению многих, был не слишком дорог и красив, зато гигантский рост самодержца с лихвой искупал любые просчеты в его облачении. Валахи, наконец, увидели живое воплощение своих желаний и надежд. Этот могучий русский исполин насмерть сокрушит самого сильного и злокозненного врага! Никто не сможет ему противостоять.

Петр широко улыбался, топорща короткие щетинистые усы, крепко обнимал и целовал окруживших его бояр, их жен и детей. Большие, лучистые глаза его светились добротой и лаской. Похоже, он всей душой верил, что в будущей военной кампании ему гарантирован успех. Вся сцена походила на встречу Гулливера и лилипутов из романа Д. Свифта.

Фельдмаршал Шереметев, прибывший вместе с господарем, с трудом пробивался сквозь восторженную толпу. Государь, увидя грузную фигуру полководца, решительно раздвинув окружающих, сам шагнул ему навстречу:

— Здорово, Борис Петрович! Докладывай, как тут наши дела обстоят.

Шереметев вымученно улыбался, желая дать краткий и ясный ответ, но шум и гвалт вокруг не заглушил бы даже пушечный залп. Фельдмаршал лишь сокрушенно вздохнул, а царь безнадежно махнул рукой.

Из многочисленных карет, сопровождавших царя, высыпали дамы со своими детьми и служанками. Это несказанно обрадовало встречавших. Обе женские команды — и прибывшая, и местная — придиричиво оглядели одна другую.

Немки — жены генералов и полковников, разодетые в пышные кринолины с открытыми плечами и руками — бросали критические взгляды на боярских супругов в глухих, восточных нарядах. Деспотическое влияние Турции явно давало себя знать.

Господарь и русский самодержец обнялись и расцеловались к вящему удовольствию и восторгу всех собравшихся. Постороннему зрителю могло показаться, что все происходящее знаменует собой полную и окончательную победу над любыми недругами. Чуть ли не завершающее торжество. Даже ближайшие советники Петра — Головкин, Шафиров и Макаров — поддались общему праздничному настрою. Царские сподвижники надеялись спокойно передохнуть и ободриться.

И только печальный, озабоченный облик фельдмаршала заметно выпадал из общего веселья. Старый полководец кряхтел и хмурился. Видимо, то, что творилось вокруг, представлялось ему пиром во время чумы.

Приветствия, поцелуи и объятия, в конце концов, закончились, хозяева и высокие гости стали неспешно усаживаться в кареты. Петр пригласил к себе Шереметева:

— Давай-ка, Борис Петрович, сядем ладком, да кой о чем потолкуем.

От его зоркого взгляда не укрылось скверное настроение полководца. Кантемир и его супруга сумели залучить в свой пышный экипаж Екатерину, чему она не стала противиться.

Боярские жены тоже проявили щедрое гостеприимство, разместив в своих просторных каретах генеральских жен. Словом, благодарные валахи встретили пришельцев, как подобает. И шумная, пестрая, гудящая кавалькада двинулась по дороге в Яссы.

— Ты чего такой мрачный? — глядя сбоку на старого полководца, огорошил его вопросом государь. — Неужто в войске мор приключился.

Шереметев суеверно перекрестился:

— Господь, Петр Алексеич, пока избавил. — И глубоко вздохнул: — Но думается мне, ждать недолго осталось.

Теперь царь осенил себя крестным знамением:

— Побойся Бога, Борис Петрович! Ты чего городишь-то?! С какого-такого боку?

Фельдмаршал показал кивком в окно:

— А ты погляди сам, Петр Алексеич. Радости уж точно мало.

Петр повернул голову. По обе стороны от дороги, далеко, вплоть до самого горизонта простиралась голая, выжженная зноем пустыня. Жалкие остатки пожухлой травы, срезанные почти под корень, словно гигантской, не косой, а скорее — обоюдоострой бритвой, торчали из сухой, обезвоженной земли. Коварный, непоседливый ветерок поднимал зыбкие облачка мелкой, вредоносной пыли.

— Кто сие сотворил? Татары?! — глухо спросил самодержец.

— Саранча, государь, — прозвучал горестный ответ.

В карете воцарилось молчание. Даже беспечный смех и веселая болтовня в веренице пестрых экипажей, сопровождавших царя, не могли нарушить это скорбное безмолвие.

— И сказал Господь, — тихим, сосредоточенным голосом произнес Петр, — я наведу саранчу на царство твое. Она покроет лицо земли и пожрет все, растущее на ней. И траву, и кусты, и деревья... — Он тяжело вздохнул. — И не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской.

Царь неожиданно умолк, а старый полководец скорбно кивал головой, и по дряблым щекам его обильно катились слезы.

Прибыв в Яссы в последней декаде июня, Петр провел совещание со своим генералитетом. Состояние всей армии было неважным, и возник резонный вопрос — продолжать ли поход к Дунаю? Однако настойчивые просьбы Кантемира, уверения двоюродного брата валахского господаря Фомы Кантакузина и хитрого грека Кастриота, что Бранкован пригнал в городок Брэилу многие тысячи голов скота, вселяли некоторую надежду.

Государь подумал и решил отправить туда генерала Ренна вместе с Фомой Кантакузином в роли проводника. Его приняли на русскую службу в чине генерал-майора. Восемь драгунских полков и несколько тысяч валахов-добровольцев устремились на поиски продовольствия.

Между тем наступил знаменательный день 27 июня. Два года назад именно в этот день произошла судьбоносная Полтавская битва. После триумфального праздника в декабре 1709 года Петр решил отмечать славную дату согласно календарю. В прошлом 1710 году он пышно отпраздновал ее в Санкт — Петербурге, теперь настал черед Бессарабии.

Фельдмаршал Шереметев, другие русские военачальники и советники царя приняли его решение без особого восторга. Какое тут торжество, если армия испытывает тягостные лишения и голод, кругом негостеприимная, чужая земля и полная неизвестность впереди?

— Надо ли, Петр Алексеич, — осторожно посетовал Шереметев, — пир на весь мир закатывать. Неужто тому есть время и место?

Помощники государя старательно отводили взгляды. Большинство явно под-

держивало старого полководца. Один вице-канцлер Шафиров беспечно улыбнулся и смело возразил:

— Эх, куда хватил ты, Борис Петрович! На миру, говорят, и смерть красна, не токмо праздник. А мы, чай, пока живы и здоровы. И слава Богу.

Все присутствующие не поднимали глаз. Петр внимательно окинул свиту, помедлил и сказал обдуманно:

— Я тоже полагаю, что шибко пировать да веселиться время не пришло, однако... — Царь на секунду умолк. — Война со шведами еще не окончена, а тут эти злосчастные турки.

Советники насторожились.

— Выдержит ли наша матушка Россия эту страшную напасть? По силам ли она всем нам?

В лицах генералов мелькнула тревога, и Петр заметил ее:

— Эжели вы, господа генералы, позволяете себе упасть духом, то что остается простому солдату? Сложить руки и умереть?! На радость врагам.

Военачальники невольно подобрались.

— Коли он — и бывалый воин, и новобранец — не поймет, что его руками отована честь и слава Отечества, не стоять России в этом мире.

Свита заметно приободрилась или ловко сделала вид.

— А по сему решено, — четко завершил государь, — торжеству быть! Полтавская победа есть небывалый взлет русского духа. Во все времена. Иному быть не дано.

Дождь, ливший ливмя целых две недели, за день до праздника внезапно утих. Выглянуло ясное, долгожданное солнце. Раскисшие от грязи улицы небольшого молдавского города стали живо подсыхать.

Солдаты, тщетно укрывавшиеся в иссеченных дождем палатках, проворно растянули веревки и развесили на просушку мокрые до нитки мундиры, сами сидя в исподнем. Весь шумный лагерь походил на большущий предбанник с полураздетыми мужчинами, якобы ждущими помывки.

Царь вместе с фельдмаршалом и генералами, приехав поздравить свое доблестное воинство, увидел тысячи мужиков в подштанниках, ряды белых, с поднятыми низами палаток, между которыми красовались на веревках темно-зеленые мундиры. Зрелище было ярким и впечатляющим.

— Ладно еще, что Господь не допустил сюда османов! — суеверно перекрестился Шереметев. — Не то бы они нас голыми руками перевязали. Нагих да мокрых.

Петр снисходительно усмехнулся:

— Не робей, Борис Петрович! Недаром ведь говорят: голенький ох, а за голеньким Бог! — Государь окинул бодрым взглядом небосвод: — Вон светило, наконец, на свободу вырвалось! Глядишь, и мы встречь османам зело резво поскачем.

Генералы сдержанно улыбнулись. Солдаты, завидев государя, вскочили, засуетились, потянули с веревок непросохшее обмундирование.

— Сидите вольно, ребятушки! — зычно распорядился царь. — Отдыхайте, коли Бог погоду послал. А я велю вам по доброй чарке водки выдать, да по два фунта мяса. Завтра наш великий, незабываемый праздник — годовщина Полтавской виктории. Поздравляю всех вас! С нами Бог!

Солдаты обрадовано загомонили. Который уж день они сидели на каше и сухарях. Господарь Кантемир, бывший в свите Петра, не преминул ему напомнить, что в городке Брэиле, недалеко от устья Прута, русскую армию ждут тысячи голов скота. Его слова подтвердил грек Кастриот и оказавшийся очень кстати православный священник.

— А саранча? — отозвался царь. — Лютует, вражина, по-прежнему?

— Бог миловал, — размахисто перекрестился поп, — отверзлись хляби небесные, и вся тварь непотребная, аки нечисть смрадная, прочь сгинула.

И вправду, вокруг не виделось ни единого свирепого паразита. Из насыщенной влагой земли вместо жалких огрызков тянулись к свету нежно-зеленые побеги свежей травы. Стреноженные кони, низко склонив головы, пытались аккуратно оборвать их.

— Глядишь, и лошадки жирку нагуляют! — любовно заметил Репнин.

Государь и помощники согласно вздохнули. Они и не предполагали, что неделю спустя из топких болот и тихих речных заводей вновь поднимутся только что народившиеся бесчисленные мириады тех же немилосердных, жутких, отвратительных созданий, перед которыми удручающе бессилён любой человек.

Петру ничего другого не оставалось, как двигаться все дальше на юг, к берегам Дуная. Об этом ему неустанно твердили государь Кантемир и грек Кастриот. Фельдмаршал Шереметев, слушая их речи, сокрушенно вздыхал:

— Ныне мы, Петр Алексеич, никак шведам уподобляемся, когда они в Малороссию пошли? Ладно ли сие?

— Их туда этот негодник Мазепа приманил, — сердито буркнул царь. — На беду себе.

— Так-то оно так, — качнул головой Борис Петрович, — знать бы только, что минет нас чаша сия.

Государь внимательно посмотрел на своего главного военачальника, подумал и ответил:

— А ты не забыл, господин фельдмаршал, что под злыми османами наши единовверные братья томятся? Да неужто мы их в подлом рабстве оставим? На веки вечные...

Генерал Репнин, присутствовавший при разговоре, осторожно заметил:

— Но пока, государь, вроде бы не слышно, чтобы в тылу у турков какое-либо волнение началось. Тихо все. Покойно.

Это было правдой. Сербский полковник Милорадович, тайно отбывший на родину, видимо, не успел или не сумел поднять на борьбу своих земляков. Однако царь продолжал упорствовать:

— Вы, я вижу, воевать не шибко настроены, — он критически окинул своих помощников. — Добро. Тогда что нам, грешным, остается? Повернуть назад, отступать? Говорите...

Все сподвижники — военные и штатские — тревожно переглянулись. Такая перспектива едва ли их устраивала. Каждый без труда понимал: вклинившись так далеко и дерзко в чужие пределы, смело приняв вражеский вызов, назад без кровопролитного сражения они не вернуться. Повернуть свои войска и уйти с позором, не приняв боевого крещения, русские не имеют права.

— Мертвые сраму не имут. Чьи это слова? — негромко произнес Репнин.

— Князя Святослава, — подсказал Шафиров.

— А что вышито на наших знаменах? — напомнил Петр. — «За имя Иисуса Христа и христианство!» — Он сжал кулаки. — Ежели мы с позором отступим, значит, веру свою предадим! То-то османы возрадуются, а недруги наши духом воспрянут. — И царь злорадно усмехнулся.

Помощники дружно безмолвствовали. Они с опаской представляли, какой жуткий переполох поднимется в той же старушке Европе, куда с таким трудом пробивалась Россия! Полтавская победа над шведами наделала много шума, однако большинство европейцев считало ее чистой случайностью, сказочным везением, нежданно выпавшим на долю Петра.

А грядущее поражение от османов станет не только тягчайшим позором, но, по мнению всех недоброжелателей, достойной карой для русских варваров.

— Думайте. Решайте... — с тяжелым сердцем заключил государь. Генералы будто набрали в рот воды. Канцлер Головкин тоже не издавал ни звука. И лишь один Шафиров отважился нарушить общее молчание.

— А чего тут гадать? — вице-канцлер обезоруживающе усмехнулся. — Коли взялись за гуж — так надобно и сдюзить. Иной заботы у нас нет! И выбора, между прочим, тоже.

Он высказал вслух то, о чем каждый мыслил про себя, но не желал это первым произнести. Скорее всего, из чувства самосохранения. А вдруг так случится, что в случае неудачи придется ответить за свои слова? Никому не хотелось рисковать головой.

— Генерал Ренн, наверняка уже достиг Брэилы, — предусмотрительно заметил Вейде, — возможно, и весь скот забрал.

Репнин поддержал его:

— А турки еще при Дунае топчутся. Провиант им, видать, не слишком нужен.

Царь упорно смотрел на своего фельдмаршала. Борис Петрович выжидал. Вероятно, ему хотелось уступить только в самом крайнем случае, когда на него навалятся все вокруг. Осторожного военачальника пугал не один лишь голод, а малое количество войск и заметная усталость солдат.

— Сам визирь, насколько мне известно, — заявил генерал Алларт, — совсем не военный человек. И мало что смыслит в стратегии.

Тут и канцлер Головкин не преминул добавить:

— К тому же он весьма немолод. Скорее — дряхл годами.

— Ну, чего ты молчишь, Борис Петрович?! — не выдержал государь.

Все обратили взоры на фельдмаршала. Шереметев устало улыбнулся:

— Дак и я, как видите, не юноша! — Он вздохнул. — И даже не матерый муж, а перестарок. Куда уж хуже.

Окружающие поняли, куда клонит их полководец. Если командующий армией противника малоопытен и дряхл, то он-то чем лучше? И стоит ли полагаться на его мнение? Чего оно стоит? Это был ловкий и хитрый ход. Но только все приготовились разубеждать старика и отвечать ему щедрые комплименты, как Петр заметил это и грубовато пошутил:

— Да будет тебе, любезный, Лазаря-то петь. Ты не однажды Шлиппенбаха громил, а тут какого-то турецкого дедушки напужался. Стыдись.

Борис Петрович покраснел:

— Мне, государь, стыдиться нечего. Мы с тобой, как помнишь, турок крепко бивали и Азов ихний тогда не устоял. — Он перевел дыхание. — Я не о своей персоне пекусь, а судьба всей армии меня крепко беспокоит. А ну как потеряем мы ее?

— Это как же? Ну-ну, поделись, вразуми нас, грешных, — настаивал царь.

Шереметев попытался объяснить, но тут в спор дружно вступили другие генералы. Каждый почувствовал себя отчасти задетым, так как речь пошла о вещах, напрямую касающихся служебных дел и личной ответственности.

— Вспомни, Борис Петрович, — увещевал Репнин, — как мы под Лесной Левенгаупта разбили. А сил у него было вдвое против нашего.

— А турок-то больше впятеро, — слабо отбивался фельдмаршал. (Сам он в той битве не участвовал, препятствуя походу Карла на Москву).

— Так это турки! — наседал Вейде. — Кто они супротив шведов?

— Полно, господин фельдмаршал! — засмеялся Шафиров. — Османы, чай, не лютее зверя. А русский-то люд на расправу крут.

Государь и помощники улыбнулись. Головкин солидно прибавил:

— Кабы шведский король да французы их не подначивали, османы сидели бы спокойнехонько в своем Стамбуле и на нас не рыпались! Не до того им.

Присутствующие согласно закивали головами. И Шереметев, наконец, сдился. — Разве во мне дело? — Он посмотрел в глаза Петру. — Назад пути, все одно, нет. Значит... — старик глубоко вздохнул.

— Значит, надо выступать! — твердым голосом завершил царь. — Тут мы ничего не высидим. Надо далее двигаться.

Все встали и поспешили вон. Настроение у помощников было далеко не радужным. Понимая неотвратимость происходящего, почти никто не верил в благополучный исход. Маленький Репнин, старательно подстраиваясь под шаг должного Вейде, вспоминал:

— Под той белорусской деревней — Лесной она прозывалась — мы настигли Левенгаупта и ловко обложили его. А место было неприступное, кругом леса да болота. Топь да глушь анафемская.

(Вейде в это время томился в шведской тюрьме. Вызволили его оттуда только после Полтавской битвы).

— В полдень Левенгаупт крепко ударил на нас, и бились мы пять часов насмерть. Никто никого одолеть не мог... — Генерал перевел дыхание. — Потом они отступили к своим обозам, а мы на месте остались. — Репнин улыбнулся курьезным воспоминаниям. — Шведы под телегами залегли, а мы на болотных кочках сидели.

Вейде покачал головой:

— Славно отдыхали. Словно друзья-приятели.

— И отдыхали бы до утра, — подхватил Репнин, — если бы наши драгуны не подоспели. Они в палаши, а мы в штыки разом ударили и смели шведов к чертовой бабushке.

— А с вами же казаки и калмыки, кажется, были. — Вейде кое-что слышал о знаменитой битве. — Почто они в деле-то не участвовали?

Репнин с неохотой пояснил:

— Казаков и калмыков государь за фронтом оставил. — Он сбавил шаг. — На случай, если кто побежит, — колоть того без пощады.

— Даже своих?! — Вейде замер.

— Без разбору. Вплоть до самого царя. Таков был приказ.

Вейде потрясенно молчал. Как военный человек, он понимал, что страх способен одолеть любого. И безрассудная храбрость часто проявляется тогда, когда у человека нет другого выбора, как поставить на карту жизнь. Или отдаться на волю случая.

А Петр, скорее всего, чувствовал, что и сам не сумеет совладать с собой, и тогда на его венценосную голову падет несмыаемый позор и поношение. Тогда уж лучше ее потерять.

Русская армия продвигалась по правому берегу реки Прут. Впереди и сбоку шли кавалерийские полки под командой Репнина, Волконского, Вейде, Алларта, Януса фон Эбершtedта и других генералов и полковников, которых было в достаточном количестве. Иноземных офицеров также хватало и в артиллерии, и в пехоте.

За тремя десятками тяжелых, восьми — и шестифунтовых пушек двигалось два десятка пудовых мортир и две полупудовые гаубицы. По тамошнему времени эти орудия представляли внушительную силу и мощь. А в каждом полку имелось еще по четыре легких полевых трехфунтовых пушки.

Следом за артиллерией шумно катила вереница самых невероятных экипажей — от тесного возка фельдмаршала до громоздких колымаг и рыдванов, вместивших в себя жен, детей, служанок, поваров, прачек, лекарей, камердинеров немецких генералов и полковников, а также бояр из свиты господаря. Все они

невольно жались к коляскам царя и его невесты в тайной надежде, что в случае беды им гарантировано спасение.

За этой тесной кавалькадой выступали пехотные полки общим числом более тридцати тысяч солдат, с гадливостью и отвращением топтавших сапогами скопище ползущих гварей, буквально устилавших землю. Далее тянулся большой обоз, а в аррьергарде шел гвардейский Преображенский полк, надежно прикрывая собою тыл наступавшей армии.

Петр, высунувшись в окно, хмуро оглядывал шлейф из карет, тянувшийся следом, и недовольно бурчал:

— Черт бы их всех побрал! — Он повернулся к Шереметеву: — Ну куда мы тащимся с таким табором?! Курам на смех!

Фельдмаршал снисходительно хмыкнул:

— Как куда? В Браилово. (Так, на русский манер, он называл Брэилу).

Государь покачал головой:

— Хорошо, ежели Ренн все припасы там в целости заполучит. Кантемир божится, что их на целый месяц достанет.

Шереметев с сомнением вздохнул:

— Токмо бы османы, Петр Алексеич, прознав об этом, храброго Ренна кругом не обложили.

Царь немного помолчал, потом рискнул предположить:

— Я так думаю, что с ходу им его точно не взять. Коли он день-другой продержится — мы на выручку ему, даст Бог, подоспеем.

Государь и его помощники предполагали, что турецкое войско в Брэилу непременно пойдет. Там они и думали вступить с турками в генеральное сражение. Но для этого противник должен был перейти две реки: Прут и Сирет. Или дважды форсировать Дунай, ибо городок Брэила расположен гораздо выше по течению.

— Кантемир еще предлагает перейти Прут, — царь искоса взглянул на фельдмаршала, — и забрать скот у буджакских татар. Там его немерено.

Борис Петрович с ответом не спешил. Местность была ему совершенно незнакома, и осторожная разведка ее оставляла желать лучшего. Опять же малое количество наличного провианта и кошмарное нашествие саранчи могло спутать все карты.

— Знать бы наверняка, — осмотрительно заметил он, — где османы нынче обретаются? Всеми ли силами они к Браилу идут или, грешным делом, надвое разделились? Сие меняет многое.

Это было существенное предположение. Если огромная турецкая армия разделилась на части и одна идет в Брэилу (что весьма вероятно), а другая — навстречу русским, то это грозит огромной бедой.

Петр и его генералы знали: силы врага больше чем впятеро превышают их собственные. У Ренна чуть более десяти тысяч, а вся основная армия насчитывала тридцать восемь тысяч солдат.

Государь угрюмо молчал. Он, к своему стыду, понял, что его поспешная, непродуманная стратегия способна погубить всю кампанию. До ее полного краха оставалось, скорее всего, несколько кошмарных, мучительных дней.

Навстречу возку фельдмаршала, хлестко настегивая коня, летел его сын — полковник Михаил Шереметев.

— Батюшка! — Почти на скаку выпалил он. — Турки на том берегу.

Государь и полководец остановили возок. Петр, давя башмаками мерзких насекомых, спешно вылез вон:

— Где?! Сколько их? Неужто вся армия?!

Полковник взмахнул плетью:

— Там... Съезжаются на тот берег. — Михаил едва перевел дух. — Вот-вот через Прут перейдут.

Из возка с трудом выбрался сам фельдмаршал. Кареты приспешников и прихлебателей, заметив нечто тревожное и подозрительное, стали опасливо тесниться к царскому экипажу. Петр негодуяще оглянулся на них и коротко приказал сыну полководца:

— Скажи немедленно к генералу Янусу! Пущай он туркам путь преградит.

Михаил развернул коня.

— Нельзя их сюда допускать! Быть беде! — царь прокричал это вслед ускакавшему полковнику.

В колымагах, рыдванах и колясках воцарилась тревожная, убийственная тишина. Одна лишь Екатерина, никому не сказав ни слова, позволила себе выйти наружу и смело приблизиться к государю, пренебрегая ползучими гадкими тварями. Однако Петр сурово сдвинул брови:

— Погоди, Катя. Не до тебя!..

Всю ночь и утро следующего дня наша армия отступала и совершала перегруппировку, ожидая неизбежного нападения турок и выискивая места, наиболее выгодные для обороны.

По совету Кантемира, государь вначале решил идти в направлении другого притока Дуная — Сирета. Но, увидев выжженные солнцем нагие плоскогорья, лишенные всякой растительности, приказал двигаться испытанным путем — вдоль правого берега Прута.

Весь следующий день 8-го июля русская армия неуклонно отступала вдоль правого берега Прута, ища удобный плацдарм для серьезной обороны. Соединившись с дивизиями Репнина и Вейде, фельдмаршал имел в наличии все вооруженные силы, кроме группировки генерала Ренна, действующей в тылу противника. И там находился провиант, столь нужный изголодавшимся, усталым солдатам.

Сидя в возке фельдмаршала, двигавшимся за конницей и артиллерией, Петр сокрушенно рассуждал:

— Попали мы, Борис Петрович, ровно кур в ощип. Проклятые османы теперь уж точно спуску нам не дадут.

— Погоди, Петр Алексеич, — увещевал царя Шереметев. — Нешто война с турками тебе в диковину? Вспомни Азов. Там не они нас, а мы их крепко пощипали. Разве не так?

Государь покачал головой:

— Тогда все было иначе — османы в крепости сиднем сидели, а мы их приступом брали. — Он скупно улыбнулся. — Да австрийцам, опять же, щедрое спасибо! Император своих артиллеристов с инженерами в помощь нам прислал, а с их-то выучкой хоть кого одолеть возможно.

Шереметев глубоко вздохнул:

— А нынче нам ждать помощи неоткуда. — Он мельком глянул в окно. — Придется самим насмерть стоять. Вот такая наша планида.

Петр внимательно всмотрелся в большое, осанистое лицо собеседника. Они сидели друг против друга, и по всему было видно, что эти нескончаемо долгие месяцы с глубокими снегами, жестокими морозами, коварными оттепелями, выматывающей распутицей, разливами рек, дождями, засухой, саранчой, голодом — крепко потрепали старика. И у него еще хватало сил говорить о том, что надо смело принять достойную кончину.

На большие, выпуклые глаза царя внезапно навернулись слезы. Чтобы скрыть их, он, неловко пробормотав, полез за платком:

— Невесть какая дрянь залетела. И прямо в глаз. Откуда только взялась, паскуда?!

Борис Петрович, судя по всему, понял душевный порыв государя, но не стал

следовать ему, опасаясь, что обоюдная чувствительность все испортит окончательно. Сейчас не время, чтобы сетовать и расслабляться.

— Солдатики, я думаю, — осторожно заметил он, — устали довольно. Не мешало бы привал устроить, да сухариков погрызть.

Петр, старательно обтерев лицо, сунул платок в карман и пробасил:

— Добро. Давай чуток передохнем.

Фельдмаршал хотел остановить экипаж, но тут к нему на рысях подлетел полковник Шереметев:

— Батюшка, — наклонился он к окошку, — Репнин и Вейде удачный склон приметили. Там будет сподручно оборону держать.

— Далеко отсюда? — деловито осведомился полководец.

— Версты три.

Шереметев повернулся к царю.

— Поехали, — согласно кивнул Петр.

Он был уверен, что его обстрелянные, опытные генералы промашки не дадут. Если они нашли место, где можно закрепиться и дать противнику достойный отпор, — так тому и быть. Решимость поставить на карту все, вплоть до собственной жизни, заставила Петра и его ближайшего помощника отбросить сиюминутные волнения и заботы. Они согласно умолкли, собираясь с мыслями и настраиваясь на самые решительные, судьбоносные шаги. Оба, не сговариваясь, понимали: грядущее сражение может стать последним в жизни.

Возок внезапно остановился. Шереметев высунулся в окно:

— Что там стряслось?!

Его сын, перегнувшись в седле, ответил:

— Приехали. Репнин приказал остановиться.

Царь распахнул дверцу, а навстречу уже скакали два генерала — Вейде и Репнин. Фельдмаршал, кряхтя, тоже выбрался наружу.

— Государь, — сдерживая коня, доложил Репнин, — место пригодное вполне. Там можно пушки и пехоту расставить, как надо.

Петр махнул рукой, давая понять, что лишних слов не нужно. Он бросил полковнику Шереметеву:

— Коня мне уступи.

Полковник мигом спрыгнул наземь, а царь лихо вскочил в седло, кивнув Репнину и Вейде:

— Ну, с Богом. Показывайте.

И вся троица, минуя обозные телеги, артиллерийские лафеты, эскадроны драгун и конных валахов, понеслась вперед. Кареты и колымаги с женами генералов и полковников, жавшиеся к возку фельдмаршала, сбились тесной кучей и боязливо замерли. Их обитатели не издавали ни звука. Глядя вслед ускакавшему царю, они обреченно думали, что он бросил их на произвол судьбы.

Горяча коня, Петр выискивал глазами ту часть берега, о которой ему сообщили. Он должен был сам узнать ее. И вот справа обозначился довольно высокий и обширный холм, частично поросший невысоким кустарником и круто спускавшийся к реке.

— Этот? — повернулся царь к рядом скакавшему Вейде.

— Он! — выдохнул тот.

Кони перешли на рысь. Вся троица стала неспешно объезжать искомую возвышенность. От вершины холма до воды, на глазок, было сажений сорок, и берег казался почти обрывист. Зато его основная часть, простиравшаяся в противоположную сторону, была пологой и плавно сходила на нет.

— Пушки туда втащить будет нетрудно, — бодро подтвердил Репнин.

Петр согласно кивнул.

— И по воде никак к нему не подобраться, — вторил Вейде.

Государь не возражал. Место, и в самом деле, нашлось весьма удачное. Искать что-то еще попросту не доставало времени.

— Все. Здесь держим оборону! — веско заключил государь.

Обнаружив русский лагерь, турецкая конница, по приказу сераскира, остановила движение. Он сам вместе с нурадином, ближайшими пашами и командиром янычар внимательно осмотрел внушительный холм, опоясанный рогатками и траншеями. Количество его конных и пеших защитников почти не волновало османов. Они загодя знали, что превосходят силы московитов многократно.

Глядя в подзорную трубу на изготовившихся к обороне русских солдат и драгун, на пушкарей, державших наготове дымящиеся фитили, сераскир поделился с помощниками:

— Эти неверные не думают сдаваться. Они готовы драться до последнего вздоха.

— Они не знают, что этот вздох вот-вот наступит! — Девлет-Гирей потянул за рукоять сабля.

Послышался натужный скрип колес и частый перестук копыт. Карета великого визиря, неспешно подъехала к собравшимся. Верхами ее сопровождали шведские генералы, польский агент и сотня телохранителей. Мехмед-паша распахнул дверцу, слуги спрыгнули на землю и бережно подхватили его под руки.

— Ну, что скажете, правоверные? — визирь степенно оправил кафтан и высокую шапку.

— Московиты приготовились к бою! — доложил сераскир.

Мехмед-паша знаком потребовал себе подзорную трубку. Приложив ее к глазу, он старательно осмотрел все линии вражеской обороны: глубокие траншеи, многочисленные рогатки, цепи солдат и грозные жерла орудий. Сераскир с помощниками вздыхали и хмурились в нетерпении, а крымский хан с ненавистью косился на престарелого предводителя.

— Они готовы стоять насмерть? — визирь озадаченно качнул головой. — А мы готовы отдать свои жизни во имя Аллаха?

И не успели османские военачальники ответить ему, как Понятовский, дотоло о чем-то бойко шептавшийся со шведскими генералами, воскликнул:

— О, досточтимый паша! С московитами не нужно воевать! По крайней мере, сейчас.

Визирь оторопел:

— Как не надо воевать?! О чем ты говоришь, генерал?

Турки возмущенно загомонили. Девлет-Гирей тут же выхватил из-за пояса пистоль. Шведы обеспокоенно переглянулись, и Шпарре закрыл собою поляка. Но тот успел выкрикнуть:

— Погодите. Во имя Аллаха. Можно взять русских без боя.

Мехмед-паша властно воздел руку, желая унять своих. Османы понемногу затихли.

— Говори, генерал! — распорядился визирь.

Понятовский, запинаясь, пояснил:

— У русских очень мало сил. Туго с провиантом. Если обложить их со всех сторон и не подпускать к воде, то через три-четыре дня они сами сдадутся! Зачем проливать собственную кровь?

Визирь заколебался. Видимо, план, предложенный поляком и шведами, показался ему привлекательным. Он понимал, что с загнанным в угол врагом без кровопролитного сражения никак не обойтись. Значит, будут жертвы и с турецкой стороны. И, скорее всего, немалые.

Пока он тревожно раздумывал, и генералы, и османы взволнованно переговаривались. Наконец визирь обратился к помощникам:

— Как мы сейчас поступим, правоверные? Пусть гяуры сами передохнут?! Так или нет?

— А разве великому визирю неизвестно, — угрюмо возразил сераскир, — что день назад мы прирезали последних баранов? И пока мы будем ждать кончины москвитов, у наших солдат подведет животы. — Он оглянулся на своих подчиненных. — Или придется резать лошадей и верблюдов.

Все военачальники дружно его поддержали. А крымский хан не преминул добавить:

— Верующие, не слушайте советов неверных, — сказал Пророк, — они хотят, чтобы вы тоже стали неверными. Аллах акбар!

После этих мрачных слов и ритуальных жестов шведы и поляк с горечью уразумели, что в их подсказках, увы, здесь никто не нуждается. А в рядах турецкой конницы уже появились пешие соединения янычар. И шумное османское войско все разбухало и разбухало, многократно обрастая людьми, лошадьми, пушками, арбами, ослиами, верблюдами...

Великий визирь, подспудно чувствуя, как власть неуклонно уплывает из его рук, а он становится всего лишь формальным главою происходящего, решил показать характер:

— Да вознаградит вас Аллах, правоверные! — Он возвел глаза к небу. — Идите и сражайтесь на пути Божьем. Будьте смелы и неутомимы в войне с неверными, ибо так завещал Пророк!

Этими словами Мехмед-паша дал сигнал к началу военных действий и тем самым показал всем, кто стоит на вершине власти.

Шведские генералы и польский агент с досадой развернули коней и поскакали прочь от места будущего сражения. Османы проводили их презрительными усмешками, а турецкие военачальники начали решительную подготовку к бою.

Командир янычар, видя нетерпение своих подчиненных, построил всех плотным клином, надеясь, что мощный, неудержимый удар пробьет оборону русских, рассечет ее надвое и проложит путь всей османской армии. А турецкая конница и орды крымского хана уже спешили охватить нестройным кольцом пологий холм, на котором теснились силы противника.

Глядя в подзорную трубу на его вершину, сераскир разглядел среди кустов коляски и кареты и в окнах — испуганные женские лица.

— Что за наваждение, да простит меня Аллах?! Царь москвитов привез с собой гарем? — Военачальник в изумлении вскинул брови.

— Тем хуже для него, — усмехнулся нурадин, — скоро он лишится и головы, и своих наложниц.

И передовые шеренги янычар, с визгом и дикими криками уже пошли в стремительную атаку.

До захода солнца оставалось три часа. Петр, стоя на обозной телеге рядом с фельдмаршалом, наблюдал спешные построения османской гвардии.

— Неужто они решили нас атаковать?! — негромко, словно самому себе задал царь недоуменный вопрос.

— Надо полагать, — так же тихо и сосредоточенно ответил Шереметев.

Оба — и государь, и полководец — опасались яростного, безжалостного напора янычар, способного посеять страх в рядах наших солдат и заставить их дрогнуть.

Истощенно вопя, размахивая саблями, ятаганами и пистолетами, подбадривая себя

криками: «Аллах акбар!», османская гвардия смело бежала штурмовать оборону «неверных».

Петр и Шереметев, крестясь, шепча про себя молитвы, с душевным трепетом следили, как стремительно и опасно сокращается расстояние между атакующими и передовыми рядами своих. Ничего другого они сделать уже не могли — наступила та роковая минута, когда все решают не полководцы, а каждый отдельный солдат. От его стойкости, умения и силы духа зависит ход сражения.

До траншей оставалось четыре сотни шагов, и тут грозно рыкнули, извергая огонь и дым, шести — и восьмифунтовые орудия. Картечь и ядра ударили в плотные ряды атакующих. Пушки били прямой наводкой — и в воздух полетели оторванные головы, руки с зажатými саблями, ключья одежды и внутренностей.

Но сдержать весь яростный напор нападавших не удалось — задние ряды сумели прорваться сквозь огонь и оказаться вблизи траншей. Они были шириной в сажень и глубиной в два аршина. Кто-то из янычар сумел их перемахнуть, кто-то рухнул вниз.

Вновь ударили пушки. Теперь пришла очередь «трехфунтовок». Они били кучнее, но малые ядра и картечь только лишь ранили и контузили атакующих. Янычары достигли рогаток, и тогда в бой немедленно вступила наша пехота и спешившиеся драгуны. Это была дивизия генерала Алларта.

Османе растянулись почти на версту, продолжая упорно пробиваться в одно место. Гремели русские ружья, многие пустили в дело штык. Убитые и раненые турки падали вблизи рогаток, самые отчаянные пытались перелезть через них и, получив пулю или разящий удар трехгранным штыком, валились наземь.

В грохоте пушек, в ружейных залпах, в криках, столах, брани, мольбе, заклинаниях, кажется, потонула вся русская оборона.

Насмерть перепуганные жены, дети и служанки иноземных офицеров на верху холма, как могли, забились под сиденья и в тесные уголки карет, шепча молитвы и крестясь трясущимися руками. Они жаждали одного — остаться в живых. Никто не верил, что крохотная армия русских сумеет защитить их от свирепого натиска турок. Одна Екатерина, сидя в карете жены молдавского господаря, спокойно и даже с любопытством смотрела в окно, пытаясь понять, что происходит? Сама хозяйка кареты, скорчившись в углу, словно насадка, закрыв телом маленького сына, иногда бросала на нее изумленные взгляды. Юная дочь тесно прижималась к ней. Они обе не могли понять, как может подруга самого царя находиться рядом с ними безо всякой усиленной защиты и охраны?

А Кантемир вместе со своими боярами тоже прятался в экипаже, с той лишь разницей, что он и его свита не забились трусливо по углам, а тревожно переглядываясь, сжимали в руках пистолы и сабли. Они собирались дорого отдать свои жизни.

И штатские пособники Петра — Головкин, Шафиров, Макаров, Савва Рагузинский, укрывшись в шатре государя, угрюмо молчали, не глядя друг на друга. Никто из них не чаял счастливого конца всему происходящему. Если не жестокая, кровавая гибель, то неминуемый, позорный плен ждал каждого. Но даже в тайных закоулках души они не пытались осудить Петра за его поспешное, непродуманное, захватское предприятие. Хотя именно оно и довело всех до полной катастрофы.

Битва шла уже третий час. Солнце неуклонно сползло к горизонту. В шатре сгущался полумрак, а грохот пушек, ружейная пальба, крики, стоны, брань, за жалкими полотняными стенами казались помощникам государя преддверием ада. Жуткий страх за собственные жизни многократно усиливал эхо событий, происходивших на тихих берегах Прута.

А там, кроме янычар, упорно наступавших на русские боевые порядки, мель-

тешила турецкая и татарская конница. И на другой стороне реки неутомимо сновали запорожцы, подтаскивая на кромку берега пушки, должны обстреливать наш лагерь с тыла. Самозванный гетман Орлик хлопотливо руководил ими.

Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша, следя в подзорную трубу за размахом и пылом сражения и не чувствуя его удачных и провальных мгновений, оставался лишь сторонним наблюдателем, все отдав на волю Аллаха.

Сераскир и нурадин, желая скорейшей победы, приказывали командиру янычар бросать в пекло боя — еще и еще — сотни отчаянных головорезов. А те, едва достигнув русских рогаток, угодив под град пуль, разящие удары палашей и штыков, штабелями валились навзничь, устлая подножие холма тысячами окровавленных тел.

Солнце устало скрылось за горизонтом, словно не желая больше видеть это бессмысленное, кровавое, кошмарное побоище. В шатре государя сделалось совсем темно. Помощники царя почти не различали лиц друг друга, а только видели одни бледные, размытые пятна.

Вдруг полог широко откинулся — Головкин, Шафиров, Макаров — втянули головы в плечи, боясь расстаться с ними навек. Огромная черная тень разом накрыла всю троицу. «Конец?!» — ударило в мозг каждого.

— Шабаш! Конец! — прохрипел в ответ глухой, потрясенный голос.

Помощники едва узнали Петра. И похолодели от жуткого, парализующего страха.

6

Как только дерущиеся противники перестали отличать своих от чужих — битва прекратилась сама собой. Перед русскими траншеями и рогатками громоздились скопища поверженных тел. Непрестанно ударяя в одно и то же место, янычарам так и не удалось взломать оборону врага, хотя наши тоже потеряли не одну тысячу солдат и офицеров. Были даже серьезно ранены генералы Волконский и Алларт.

Обширный холм окутала ночная июльская мгла, и в лагере осажденных наступила полная тишина. После яростного, ожесточенного боя, когда исход его не вполне ясен для воюющих сторон, такое случается нередко. О победе той или другой армии говорить еще рано — и остается лишь мучительно выжидать — кто из противников первым возвестит о своей удаче, либо о поражении.

В турецком лагере тоже царило затишье, однако там оно казалось иным. Вместо недоуменного, осторожного и боязливого выжидания среди османов гуляло потрясение, уныние и оторопь. Они не могли понять, почему их лютый, устрашающий напор так и не смог сломить неприметную, но стойкую оборону неверных?

— С восходом солнца мы вновь ударим на них, — убежденно воскликнул крымский хан. — И с помощью Аллаха всех перережем!

— Ну зачем всех? — силистрийский паша пожал плечами. — Обязательно возьмем в плен царя Петра с его богатой казной. — Он ухмыльнулся. — И приласкаем бедных женщин.

Сераскир, нурадин, муфтий и великий визирь упорно молчали. Также молчали шведские генералы и польский агент. Начало решительной схватки османов и русских наводило их на мрачные размышления и, вероятно, на явные просчеты турецкого командования.

— Московиты основательно приготовились к штурму, — осторожно заметил Понятовский. — Они вовремя возвели укрепления, расставили в нужных местах орудия. Их голыми руками не возьмешь.

Сераскир уловил в этом прямой намек на свои непродуманные, спешные решения и попытался оправдаться:

— Я уже приказать копать рвы перед нашим лагерем и подкатить пушки.
— Значит, вы рассчитываете на долгую осаду? — скептически сощурился Гилленкрок.

Турецкий военачальник не ответил, переводя взгляд на великого визиря. Мехмед-паша, понимая, что турецкая стратегия позорно провалилась и, не желая утратить и без того свой шаткий авторитет, степенно заключил:

— Мы намерены не тратить времени даром. Будем и защищаться, и смело нападать. Московиты такого напора не выдержат.

В шатер вошел командир янычар. Все ждали его скорейшего прихода, понимая, что любые удачи и неудачи зависят только от усилий его молодцов. Великий визирь уже приготовился отпустить в их адрес хвалебные, льстивые пожелания, но военачальник хмуро произнес:

— Это беда, да простит меня Аллах, полегла почти половина моих храбрецов.

— Как?! — не сдержался сераскир.

— В русских траншеях и на рогатках.

Шведы и поляк понимающе переглянулись. Юсуф-паша, Девлет-Гирей и Гасан-паша угрюмо насупились. Нурадин и муфтий зашептали горестные молитвы. А великий визирь сотворил значительное, умудренное лицо, будто бы он заранее предвидел возможный исход сражения, но пошел на уступки своим подчиненным.

В шатре воцарилось молчание. Никто, включая самого Мехмед-пашу, не решился первым нарушить его. Даже вспыльчивый, непоседливый крымский хан не рискнул открыть рот, понимая, что может навлечь на себя грозу.

А за тяжелыми, парчовыми стенами шатра раздавались глухие удары заступов, треск смоляных факелов, гортанные голоса. По распоряжению сераскира вокруг турецкого становища копались глубокие траншеи. Совсем как у осажденного противника.

И в русском лагере царил затишье. Солдаты, драгуны, артиллеристы, сдерживая дрожь в обессиленных руках, лихорадочно крестились и шептали молитвы. Нет, не во имя спасения своих отчаявшихся душ, а прося прощения у Всевышнего за бесчисленные злодеяния, свершенные накануне.

И новобранец Евлаха, роняя градины слез, прыгающими губами каялся перед Господом в грехе смертоубийства, искренне не помня, сколько жизней он отнял. В темноте страдалец не видел своих рук и был рад, что не видит. Ему казалось, будто они в крови по локоть, если не по плечи.

А на самом верху холма, среди невысокого кустарника, в каретах и колясках генеральских и полковничьих жен стояла мертвая тишина. Даже малые дети без окриков и шлепков мамаш и нянек безропотно молчали, поддавшись чувству общего, беспредельного страха.

Многим женщинам неудержимо хотелось справить малую нужду, что извинительно их слабой натуре, однако приходилось терпеть из последних сил. Одна Екатерина в экипаже супруги господаря, казалось, не ощущала пут всеобщего отупения и ужаса.

Переждав несколько минут среди невероятной, гробовой тишины, невеста государя решительно распахнула дверцу кареты и, нащупав ногою ступеньку, проворно спустилась вниз, шурша платьем. Жена государя грешным делом подумала, что царственная соседка отправилась мочиться, и осторожно поднялась с колен. Ее маленький сын Антиох, согретый материнским теплом, безмятежно спал в уголке. Спала и подросток дочь, положив голову на сиденье экипажа. Их мать несмело высунула голову наружу: светлое платье Екатерины мелькнуло и скрылось в кустах.

Жена государя заколебалась, ей тоже из чувства женской солидарности хотелось по нужде, но Антиох неожиданно захныкал. Мать мигом вернулась к нему,

ласково обняла и зашикала, потом взяла малыша на руки и бережно уложила на лавку. За стенками кареты не раздавалось ни звука, а царская невеста почему-то не возвращалась. Супруга господаря встревожилась.

Тем временем Екатерина, умело лавируя между многочисленных карет и колясок, каким-то чудом выбралась к шатру государя. Оранжевый кружок горячей свечи зыбко колебался на полотняной его завесе. Недолго думая, она решительно направилась туда, но на пути ее встретил П.П. Шафиров.

— Петр Алексеич не велел никого пускать, — вежливо, но твердо оповестил женщину маленький вице-канцлер.

— А почему? — настойчиво осведомилась невеста.

— Он там вместе с Макаровым... — Шафиров сделал солидную паузу, давая понять, что за этими тонкими стенками решается их общая судьба. И даже судьба всей России.

Екатерина все поняла, вздохнула и неспешно отправилась обратно. А вице-канцлер сделал несколько неуволимых шагов в сторону царского убежища, весь обратясь в слух. Он не хотел упустить ни единого слова, диктуемого Петром. За хлипкими полотняными стенами звучал рокочущий, глуховатый голос царя:

— Господа Сенат!.. *(Ниже приводится полный текст обращения Петра к недавно учрежденному Верховному органу управления страной. Многие отечественные историки, в том числе и А.С. Пушкин, оспаривали его подлинность, поскольку оригинал утрачен. Но есть и те, среди них автор этих строк, кто убежден, что это подлинные слова монарха, ответственного за судьбу своей родины).*

— Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по ложным известиям, в семь раз сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я, без особенной Божия помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я попаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелению, от вас было требуется, покамест я сам не явлюсь между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верныя известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники.

К потрясенному Шафирову неожиданно присоединился Головкин, потом, сопя, приковылял тучный Шереметев, и все, затаив дыхание, слушали напряженный, срывающийся голос царя. В груди вице-канцлера закипали слезы, канцлер едва сдерживал себя, а старый полководец, не стыдясь, плакал...

Небо над левым берегом Прута стало заметно светлеть, и огонек свечи на стенке шатра померк.

Солнце осветило весь укрепленный холм, на котором чудом держались русские. Фельдмаршал Шереметев, канцлер Головкин, подканцлер Шафиров и кабинет-секретарь Макаров смиренно сидели в палатке раненого генерала Волконского. Царский лекарь Тирмонд, умело извлекиши пулю из предплечья и перевязав рану, дал генералу выпить укрепляющего снадобья, затем помог ему удобней улечься на походной кровати.

Генерал был бледен, неловок в движениях, но спокоен и строг.

— Турок-то, Михайло Николаич, поди, не одну сотню положил? — сочувственно улыбаясь, полюбопытствовал фельдмаршал.

Волконский сдержанно ответил:

— Мои драгуны стояли насмерть. Бились молодцы до последнего! — Он с трудом удержал стон. — А как баталия-то дальше пойдет? Хватит ли сил нам, грешным?

Сподвижники царя переглянулись. Вдруг сообщить раненому, что он и его храбрые солдаты проливали кровь и отдавали жизни даром, не хотелось никому. Поэтому все неуклюже отмолчались. Однако Волконский заявил неожиданно:

— Вижу я, что дело к обеду движется, а выстрелов чего-то не слышать. Ни наших, ни турецких. Как сие понимать?

И вправду, вокруг палатки клубилась сосредоточенная, напряженная суета, но грома пушек и ружейных залпов слышно не было.

— А где Репнин, Вейде и Алларт? — не дождавшись ответа, спросил генерал.

— Алларт тоже ранен, — вздохнул Шереметев. — Репнин и Вейде усердно крепят оборону.

— А что с государем?

Фельдмаршал, не желая волновать пострадавшего, не рискнул поведать ему всю правду, но на помощь ему пришел Шафиров:

— Петр Алексеич готовится наголову разбить османов. Генералы с ним держат совет.

В глазах раненого мелькнуло сомнение. Какой совет мог проходить без главного военачальника? Что-то здесь не так. Но Шереметев не дал ему времени на догадку, быстро поднявшись с табурета:

— Ну, выздоравливай, Михайло Николаич! И ни о чем, любезный, попусту не тревожься. Турок мы все одно одолеем. Дай Бог тебе всего. Держись, герой!

Его спутники тоже проворно встали, пожелали храброму генералу скорейшего выздоровления и дружно поспешили вон. Тревожное, пугающее состояние полной неопределенности угнетало каждого. Никому не хотелось вновь пережить минуты яростного, сокрушительного штурма, грозившего неминуемой гибелью всем. Однако же томительное, гнетущее спокойствие, царившее кругом, казалось еще страшней и неумолимей.

Фельдмаршал и его спутники понимали, что второго подобного дня им не везти. А их державный властитель, написав отречение, уединился в шатре и, по сути, устранился от всего. Хот в случае бесславного поражения ему грозит едва ли не самое тяжкое унижение и полное бесчестье.

Все европейские монархи несказанно возрадуются тому, что царь «дикой Московии» будет вдребезги разбит и опозорен не менее «дикими» османами. А его главный противник — шведский король — окончательно воспрянет духом.

Навстречу государевым сподвижникам уверенно шла бодрая и деятельная Екатерина. В заметно примятом платье, с непокрытой головой и безо всяких украшений.

— Господин генерал, — обратилась она к Шереметеву, — извольте к туркам гонца немедля посылать.

Фельдмаршал и свита озадаченно замерли. Старый полководец, как видно, успел немного подзабыть деловую хватку своей бывшей любовницы, а его окружение было не столь в этом осведомлено.

— Гонца?! Какого гонца? Зачем?! — фельдмаршал искренне недоумевал.

— Я только что говорила с Его Величеством, — твердо завершила всех царская невеста. — Он намерен просить османов о мире.

— Просить?! — вскинулся Головкин. — Да неужто он взаправду?! Боюсь, тогда они потребуют нашей неминуемой сдачи.

Екатерина тут же поправилась:

— Нет, Его Величество только думает предложить им мировую.

— А вот это другое дело! — подержал ее Шафиров и посмотрел в лицо Шереметеву.

Фельдмаршал ничего не ответил. Макаров, зорко наблюдая всю эту сцену, осторожно заметил:

— Турки-то ведь тоже чего-то ждут. Знать бы, какого рожна им надобно?

Шереметев, не дослушав секретаря, вытащил из кармана подзорную трубку, приставил к глазу, направив ее на лагерь османов. Все молча следили за ним, словно от его наблюдений и умозаключений всецело зависела их дальнейшая судьба.

Латунная десятивершковая трубочка с выпуклыми стеклами казалась всем чудодейственным снарядом, наверняка способным отвести любые колебания и страхи.

— Ну, чего там? — не выдержав общего напряжения, спросил Головкин.

Большое, осанистое лицо фельдмаршала выражало недоумение:

— Не похоже, что они к битве готовятся... — В голосе старого полководца звучало сомнение. Он будто не верил собственным глазам.

— А чего же эти нехристи делают? — настаивал Головкин.

— Сидят. Болтают... — Подзорная трубка Шереметева гуляла по рядам бездельничавших османов. — Курят. Едят чего-то. Пьют... — В голосе его прозвучала досада и зависть.

Спутники сочувственно вздохнули.

— Зорче гляди, Борис Петрович. Все примечай! А не пора ли нам всыпать им, окаянным, как следует?! — воскликнул подошедший внезапно Репнин. — Чего мы тут, Господи прости, прохлаждаемся?!

При взгляде на маленького, бойкого генерала любому могло показаться, что вчерашнего кровопролитного сражения вовсе не было.

— Мои солдатики страсть как хотят до ихней пищи добраться! Голод-то, вишь, силу утраивает. Не так, что ли?

Сподвижники царя невольно улыбнулись. Бравада славного генерала не выглядела наигранной. Скорее всего, ему и его подчиненным действительно не терпелось вступить в бой.

Фельдмаршал шумно вздохнул:

— Погоди, Аникита Иваныч! Не до баталий нынче. — Он опустил в просторный карман свою подзорную трубку. — Государь намерен османам мир предложить.

Репнин оторопел:

— Как мир?! — Он потрясенно оглядел присутствующих. — После всех наших дьявольских мытарств?! Злоключений? Потерь?.. Обниматься с врагами веры христовой? — Генерал покраснел. — Да пропади они совсем!

Царская свита стыдливо потупилась. Одна Екатерина смело смотрела в глаза негодующего генерала, стойко снося его праведный гнев. Шереметев, бросив в ее сторону короткий, цепкий взгляд, тоже собрался с духом:

— Лучше поостерегись, Аникита. Не нашего ума дело — поступкам государя перечить. Знать, на то Божья воля, коль помазанник Его решил свару миром кончить. Ему, должно, виднее.

Репнин не нашелся с ответом, вдруг вспомнив свою неудачу трехлетней давности, когда он едва не лишился жизни и был милостиво прощен царем. Долг следовало возвращать. Фельдмаршал нахмурился и решительно зашагал в сторону царского шатра. Все потянулись за ним.

На царя было больно и жалко смотреть. Обросший щетиной, исхудавший, с немтыми, прилипшими к высокому потному лбу косицами редких волос, с огромными потухшими глазами, он полулежал на походной кровати и даже не взглянул на робко вошедших помощников. Екатерина тут же взялась за дело:

— Ваше Величество, — настойчиво и смело обратилась она к жениху, — гонца надобно живее посылать. Турки ведь чего-то ждут.

Петр едва повернул голову на ее взыскующий призыв:

— Чего они ждут?

Состояние отчаявшегося и утратившего всяческую веру человека звучало в каждом его слове.

— Должно, Вашего ответа, — быстро, но не очень уверенно ответила невеста, вопросительно взглянув на Шереметева. И фельдмаршал ее не подвел:

— Османы, Петр Алексеич, — голос его прозвучал вполне искренне и убедительно, — в сей момент воевать точно не намерены. По всему видно, что на приступ они не пойдут. Вот как Бог свят!

В шатре повисла гнетущая тишина. Слова старого полководца, по всей вероятности, с немалым трудом, но доходили до сумрачного, затуманенного сознания царя. Смирившись с неизбежным и сокрушительным поражением, он не верил в спасительный исход.

— Кругом лагеря своего они рвы и окопы вырыли, — продолжал Шереметев, — а сами пьют, едят и лясы точат.

Через минуту государь угрюмо заметил:

— Должно, к долгой осаде приготовились. Хотят лютым измором нас, незадачливых, взять. — Лицо его исказила неприятная гримаса.

Однако Екатерина не отступала:

— Ваше Величество, а разве турки до золота не падки. Неужто они от щедрой мзды откажутся? Да быть того не может!

Помощники царя озадаченно переглянулись. Прямодушные и наивные слова молодой женщины затронули каждого. Опытный Шереметев чуть усмехнулся, скептический Головкин не принял их всерьез, ловкий Шафиров призадумался, осторожный Макаров не подал виду. Только храбрый Репнин сердито бросил:

— Дать бы им сейчас, как следует! Пока они там свой бешбармак да плов уминают. В шаровары тогда они точно накладывают!

Аккуратно отодвинув полог, в шатер вошел долговязый Вейде. Все взоры обратились на него.

— Ну, что там османы вытворяют? — негромко спросил Шереметев.

Немец пожал угловатыми плечами:

— Черт их разберет! То ли нас дурачат, то ли впрямь бездельем маются.

Петр резко сел на кровати. Голова его заметно тряслась, губы и брови судорожно подергивались.

— наших вчера столько полегло? — спросил он глухо.

— До пяти тысяч, — сдержанно ответил Репнин.

— А турок вдвое больше побито, — парировал Вейде. — Весь склон телами янычар усеян!

Царь тяжело вздохнул. Шафиров внимательно оглядел присутствующих, собрался с духом и предложил:

— А ежели, Петр Алексеич, и вправду послать к османам парламентаря?

— Вот-вот, — подхватила Екатерина, — может, они этого только и ждут.

Предположение невесты государя большинству показалось смешным, но вице-канцлер умело его подправил:

— Я думаю, нужно выиграть время. — Он хитро подмигнул. — И пока будут идти переговоры, то да се, мы чего-нибудь придумаем. А там, глядишь, и фортуна лицом к нам повернется. Как знать?!

В лукавых словах Шафирова был несомненный резон — это поняли все, даже утративший веру государь и его невеста.

— Он дело говорит, — согласился фельдмаршал. — Пошлем гонца к османам, пушай он ведет тяжбу, хотя бы о малой передышке, а мы тем часом к бою изготавимся.

Петр понемногу приходил в себя.

— К бою, говоришь? — Он окинул тревожным взглядом всех своих приближенных. — А не оплошаем? Ядер да пуль хватит. Солдаты не дрогнут жизни свои на алтарь положить?

За всех ответил бравый Репнин:

— Иного выбора у нас, государь, нет. Либо на волю вырваться, насколько сил да пороху хватит... — Он развел короткими крепкими руками. — Либо сдохнуть тут от голода и жажды.

Такая перспектива казалась весьма суровой и безрадостной, однако никто из присутствующих не решился ее оспорить. Даже Екатерина понимала, что никакого другого выхода здесь нет, хотя в глубине души бывшая служанка упорно надеялась на неумное мздоимство турецкой верхушки.

— Быть по сему, — с пасмурным видом ответил Петр. — Отправляйте гонца к распорклятым басурманам. Отрядите малого похитрей да побойчее, на выдумки гораздого. Пушай им глаза подалее ответет.

Все, кроме Екатерины, понимали хлипкость и ненадежность готовящегося предприятия, но в создавшемся положении ничего другого не оставалось. Бездействие могло обернуться еще худшей бедой. А царская невеста почему-то непоколебимо уверовала в то, что попытка подкупить и склонить турок к миру, обречена на успех.

С раннего утра она усердно обошла всех полковничьих и генеральских жен, не минуя супругу и дочь молдавского господаря, убеждая их пожертвовать деньгами и драгоценностями. Затем приложила к ним свои кольца, серьги и броши, тем самым обеспечив солидные подношения главе османского войска.

Государь наконец смог сбросить уныние и немощь, разом навалившиеся на него, и верные соратники увидели прежнего Петра. Отправив посыльного к османам, он не стал дожидаться его возвращения, а сразу приказал теснее сдвинуть телеги и фуры обоза, окружив ими экипажи с женщинами и детьми.

И все это — на случай дерзкого, внезапного приступа, поскольку турки выставили готовые к бою орудия и произвели несколько пробных залпов, не причинивших особого вреда осажденным.

На коротком совете было решено: в случае отказа визиря заключить мир, во что бы то ни стало пробавиться из окружения. В шатре царя было тесно — там собрались все генералы, даже присутствовали молдавский господарь Кантемир с близкими боярами и предводитель конных валахов Никульча.

Долгих споров и разноречивых толков между собравшимися не возникало: угрожающее положение всех осажденных неумолимо устраняло любые препирательства. Общая трагическая участь сделала людей сговорчивей и сплоченней. Они без лишних слов понимали, что этот день, этот час, эта минута могут стать последними в их земной жизни. И лучше претерпеть это всем вместе — ибо на миру и смерть красна.

— И пуль, и ядер у нас негусто, — нарушив общее тревожное молчание, негромко заявил Репнин.

Генералы обратили взгляды на фельдмаршала. Борис Петрович насупился, кашлянул.

— За скудостью пулек надобно сечь на дробь любое железо, — прозвучал твердый голос Петра. — Окромя, конечно, сабель да штыков. — Он позволил себе скупо улыбнуться.

Шафиров перевел его слова немецким генералам, и лица их скривились в снисходительных улыбках.

От неимоверной, непроходящей жары, царившей за легкими, тонкими стенками, внутри стояла невыносимая духота, однако общее томительное ожидание сде-

лало всех терпимей и покладистей. И как бы то ни было, какие бы цели не ставились царем и его помощниками — все подсознательно ждали ответа со стороны врага.

Надежда, сомнение, решимость, бессилие, отвага рьяно бились в сердцах военных, вынужденных крепиться и ждать. Если кто-то и винил в душе государя за оплошность и авантюризм, легко перекидывая на его плечи собственные ошибки, то теперь каждый изо всех сил желал ему ясного ума и несокрушимой воли.

И лишь немногие знали, что несколько часов назад Петр советовался с предводителем валахов Никульчей, дотошно выспрашивая его, сумеет ли тот вывести тайными тропами российского государя с невестой из осажденного лагеря. Но тайных троп Никульча не знал, и царю пришлось остаться во главе осажденных.

За стенами шатра послышался шум, и внутрь заглянул полковник Михаил Шереметев:

— Государь! Гонец возвращается!

Все собравшиеся встревожено переглянулись, задвигались, предвосхищая появление царского посланца. Статный унтер-офицер Шепелев показался у входа. Бросив взгляд на его виноватое, скорбное лицо, Петр мигом уразумел — слабая надежда «на мировую» провалилась.

— Что он сказал?! — прозвучал в жутчайшей тишине глухой, замогильный голос.

Увидев царя и целый сонм генералов, бывалый унтер растерялся. Груз неизмеримой ответственности, вдруг упавший на него, едва не раздавил несчастного. Даже в турецком логове он чувствовал себя свободней и смелей.

— Дак он... — унтер сжался и побелел.

— Что он?! — настаивал Петр. — Тебя допустили к визирю?!

— Точно так, допустили... — Посланец не поднимал глаз.

— На мировую он пойдет?

Унтер отрицательно мотнул головой, не размыкая губ под щетинистыми усами. Офицеры, особенно немецкие, обескураженно переглядывались. Шереметев, Репнин, Вейде, Алларт без лишних слов сразу уловили суть происходящего, но на помощь незадачливому посланцу пришел вездесущий Шафиров.

— Петр Алексеич, — заявил он во всеуслышание, — попытку надобно повторить! — И, критически оглядев посланца, добавил: — Думаю, что османы сию персону не сочли слишком авантажной. И политес он наверняка не учел...

Головки и Макаров едва заметно усмехнулись. Действительно, фигура унтер-офицера, при завидном росте и выправке, могла показаться турецкой верхушке не слишком представительной, если не совсем ничтожной. Видимо, и царь после минутного размышления пришел к подобной же мысли.

— Ну и ладно, — он махнул рукой на незадачливого гонца. — Ступай, братец!

Унтер-офицер моментально исчез.

— Кого ж мы теперь вдругорядь отправим? — нарочито размеренным и суровым тоном произнес государь.

Собравшиеся замерли в оцепенении. Никому не хотелось брести в стан врага ни по доброй воле, ни по монаршему приказу. А выбор царя мог упасть на любого. Кто знает, какими мотивами и желаниями он будет вдохновляться? Лица у всех присутствующих сделались одинаково серыми и скучными. Со стороны было бы невероятно трудно, почти невозможно отличить одно от другого.

Однако царь сумел и в этой безликой череде найти того, единственного:

— Ну что, Петр Павлович, — вперился он взглядом в маленького, юркого человечка с круглым подбородком и крупными губами, — придется тебе к басурманам на поклон идти! Поверь, больше некому.

Шафиров смешался. Помня, что он сам предложил государю и первую, и вто-

рюю попытку, вице-канцлер никак не рассчитывал, что она придется на его долю. «Проклятый язык!» — корил он себя в душе.

— Давай, Петр Павлович, — поддержал царя фельдмаршал, — кому, как не тебе, это дело вершить.

И сухой, желчный Головкин не преминул добавить:

— И по-турецки ты лучше любого лопочешь! — Канцлер втайне думал, что наконец-таки избавится от докучливого помощника.

И все генералы наперебой стали упрашивать бойкого и деятельного царского слугу честно послужить во благо России.

Шафиров молча кивнул. Он понимал, что только жесточайший недуг или внезапная смерть может избавить его от рокового шага. Хотя безрассудный вояж в турецкий стан не сулит ему ничего утешительного. Османы безо всякой видимой причины могут удавить, либо посадить его, как несчастного Толстого, в земляную тюрьму — или тут же снести ему голову.

Государь взыскательно оглядел присутствующих:

— Теперь, господа, оставьте нас наедине. Мы с подканцлером решим, как ему следует вести переговоры с визирем, ежели оные случатся.

Все военные, также и молдавский господарь со своими боярами, дружно поднявшись, гуськом потянулись вон из шатра. Но в душе у каждого вновь клубились тревога и беспокойство.

Артиллерийских лошадей, как наиболее сильных и выносливых, было решено сохранить, остальных — особенно истощенных и хромых — забить и наварить из них мяса. Всю железную упряжь: удила, стремена, шпоры посечь на пули и шрапнель.

В русском лагере застучали молотки, полковые коновалы острили ножи, пушкари готовились произвести оглушительную канонаду, пехота и драгуны строились для стремительной атаки.

Государь с ближайшими помощниками — Шереметевым, Головкиным, Шафировым, Макаровым — стояли у вершины холма, пристально наблюдая за подготовкой судьбоносного сражения. Все, не сговариваясь, вспоминали раннее утро 27 июня 1709 года перед Полтавской битвой.

Тогда, на поле брани, в десяти укрепленных редутах стояли больше сотни орудий, пехота и кавалерия ни в чем не испытывали недостатка: ни в живой силе, ни в вооружении, ни в обмундировании, ни в лошадях. И числом солдат русская армия почти вдвое превосходила шведов. А что теперь?

Глядя на бесчисленное турецкое войско, как горох, усыпавшее равнину вблизи Прута, фельдмаршал, перекрестившись, вздохнул:

— Ну, чисто саранча египетская! Вот налетели, так налетели. Несть ей, поганой, числа.

Шафиров, услышав эту фразу, хитровато усмехнулся:

— Ты, Борис Петрович, никак Божьи кары вспомнил? — Он снизу покосился на Петра. — Но дай Бог государю нашему вывести всех нас из этих проклятых мест... — Вице-канцлер вздохнул. — Османы, чай, не море Красное — перед нами они не расступятся.

Скорее всего, царь не слышал этих слов. Поочередно переводя взгляд со своего лагеря на турецкий и обратно, он пытался понять, готовится ли противник к отражению будущей атаки?

После бессонной, мучительной ночи Петр решил идти на стремительный, отчаянный прорыв, а там — как случится, так и случится.

Отвергнув попытку бегства (вовсе не страх двигал им, а сознание того, что, оказавшись в плену, российский самодержец потеряет не только свободу, но всю Россию), Петр шел на верную смерть. Он был уверен — гибель славнее бесчестья. «Мертвые сраму не имут», — вспомнились ему слова храброго князя.

Головкин, кашлянув, осторожно произнес:

— Бабы да ребятишки нас по рукам и ногам вяжут. А не будь их... — Канцлер прикусил язык, смекнув, что затронул самое больное место.

Из всех мыслимых и немислимых ошибок и просчетов, свалившихся на голову Петра, его щедрая уступка желаниям невесты была непостижимой слабостью. И нынче им всем придется не только яростно прорубаться сквозь неодолимую гущу врагов, но и оберегать драгоценный, обременительный груз.

Все, кроме царя, посмотрели в сторону сбившихся в кучу карет и колясок. Там в боязливой, тревожной тишине сидели обеспамятевшие жены и дети, ожидая всего, чего угодно. Надежда, страх, отчаяние, обреченность бились в их слабых, изверившихся сердцах. На что рассчитывали, о чем мечтали эти слабые, безрассудные, самонадеянные создания, храбро отправившись вслед за своими мужьями в долгий, изнурительный поход?!

Излишняя ли доверчивость, непроходимая глупость, желание угодить своим семейным властителям, вольным распоряжаться чужой жизнью и смертью, подвинули их на этот шаг? Или пример царской невесты, во что бы то ни стало задумавшей разделить участь державного жениха? Теперь об этом никому не хотелось гадать.

Впрочем, сама Екатерина, переодевшись в гвардейский мундир, спокойно сидела на ступеньке кареты господаря, сжимая в руке заряженный пистоль. Она отнюдь не праздновала труса.

Снизу, запыхавшись, спешил полковник Шереметев.

— Государь! — прокричал он на ходу. — От турок гонец прибыл!

Петр и помощники оживились.

— Веди его сюда! — распорядился царь.

Полковник направился выполнять приказ.

Казалось, особо размышлять не было времени, однако в головах государя и сподвижников зашевелились беспокойные, разноречивые догадки: с чем идет османский посол? Будет ли настаивать на полной, безоговорочной сдаче? Станет ли помогать пленения самого царя?

Или еще потребует возврата Оттоманской Порте всех земель по Дону и Днепру, а может, и поболее того? Кстати, и побережья Балтийского моря? Как-никак, турки — друзья шведского короля.

Османский посланец Черкес-паша с десятком телохранителей, неспешно, как и подобает знатному подданному Оттоманской Порты, поднимался к месту, где находилась ставка государя. Но самого царя там не было. Он намеренно укрылся в своем шатре, а у входа турка встречали фельдмаршал Шереметев и вице-канцлер Шафиров.

Паша надменно кивнул обоим и протянул фельдмаршалу сафьяновый цилиндр, в котором находилось письмо визиря. Шереметев церемонно принял его и передал Шафинову. Вице-канцлер с поклоном взял послание и юркнул в царский шатер.

Петр и Головкин в напряженном, сосредоточенном молчании встретили маленького подвижного человечка.

— Что там? — обреченным, усталым голосом осведомился царь, заранее не ожидая для себя ничего утешительного.

Шафиров умело извлек из малинового сафьяна свернутый в трубочку листок бумаги. Быстро развернул и пробежал его глазами.

— Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша, — бойко перевел вице-канцлер, — желает здоровья Вашему Величеству и сообщает, что готов, ежели угодно, вести переговоры.

— И больше ничего? — настойчиво уточнил Головкин.

Шафиров еще раз перечел бумагу и старательно прибавил:

— Еще он кивает на бесконечную милость всемогущего Аллаха и поминает своего славного, незабвенного султана.

Государь глубоко вздохнул:

— Коль так, выбирать нам особо не приходится. Все одно — что петля, что плаха. Иди, передай ему, что мы к обоюдному замирению готовы.

Шафиров поклонился и вышел к ожидавшему ответа посланцу...

А тем временем, пока в русском и турецком лагере стояла напряженная, тревожная тишина, за честь своей родины отчаянно бился Петр Павлович Шафиров. Государь наделил его широчайшими полномочиями и позволил ему ставить на карту необычайно щедрый куш. Он почему-то был уверен, что османы, пользуясь катастрофическим положением русских, потребуют отдать им не только земли по берегам Днепра и Дона, но и все южнорусские степи, вплоть до реки Самары.

И, без сомнения, затребуют все прибалтийские территории, завоеванные в Северной войне. Царь был готов уступить им Эстляндию и Лифляндию, кроме Петербурга и его окрестностей. За свой любимый «парадиз» ему не жаль было пожертвовать древним Псковом или Новгородом...

Однако же находчивый и ловкий Шафиров, вспомнив свою торгашескую юность, когда он служил сидельцем в купеческой лавке и познакомился с молодым Петром, не спешил вести легкомысленный, опрометчивый торг. Он не собирался выкладывать перед визирем все обещанные царем уступки и раздачи.

Обменявшись с Мехмед-пашой любезными, ни к чему не обязывающими фразами, подканцлер нутром ощутил, что турецкий главнокомандующий, скорее всего, опасается какого-то подвоха со стороны русских. И первый вопрос, слетевший из уст визиря, прозвучал именно об этом:

— Почему царь Петр предлагает нам вести переговоры о мире? Зачем он так спешит?

Шафиров, не обинуясь, охотно ответил:

— Мой государь справедливо полагает, что обоюдный мир, бывший между Россией и Оттоманской Портой, разрушен прямыми кознями шведского короля. И война разгорелась благодаря его неусыпным стараниям.

Это был болезненный и точный удар. Визирь поморщился и попытался отвести его:

— Наш славный повелитель — оплот и мощь Востока — не нуждается в советах и подсказках неверных. Его вдохновитель — Аллах.

Подканцлер вздохнул, помолчал и прибавил доверительно:

— Пусть будет так. Только не Россия нарушила общее согласие и дружбу, а... — Шафиров выразительно сжал крупный рот. — Наш посол Толстой сидит в тюрьме, и крымский хан совершает дерзкие набеги на бедных поселян, грабит и забирает их в плен. Затем широко торгует ими на рынках... — Он посмотрел в глаза собеседнику.

Назвав главного ненавистника визиря — Девлет-Гирея — посол невольно склонил чашу весов в свою пользу. А час назад Мехмед-паше донесли, что русский генерал Ренн, скорее всего, завтра приведет свои силы в тыл османам.

— На каких условиях царь Петр хочет восстановить мир между Россией и Оттоманской Портой? — в голосе великого визиря прозвучала нарочитая неуступчивость.

— На взаимовыгодных, — кратко ответил Шафиров, до поры до времени не желая углубляться в детали. Ему было важно не сделать опрометчивого шага.

Мехмед-паша слегка оторопел. Обтекаемая реплика изворотливого посла заставляла его, помимо воли и желания, выкладывать все, заготовленные ранее претензии и домогательства. А времени на раздумье не было.

— В войне с султаном Мустафой вы захватили турецкие крепости по Дону, Дунаю и берегу Азовского моря. И земли в их округе.

Шафиров внимательно слушал, ничего не оспаривая. Визирь, ободренный его молчанием, продолжал:

— Крепости эти вам надлежит возвратить немедленно, особенно Азов.

— В каком виде? — вопрос прозвучал как бы между прочим.

Важный собеседник насторожился:

— Вернуть их следует в том виде, в котором вы их, по воле Аллаха, заняли!

Подканцлер сокрушенно вздохнул, пояснив вполне доверительно:

— К великому сожалению, досточтимый паша, по происшествии десяти лет мы возвели важные крепостные сооружения на этих берегах.

— Их непременно следует разорить! — прозвучал категоричный ответ.

Это привело посла в некоторое замешательство.

— А близ Таганрога мы оборудовали целую гавань и построили добрую верфь. — Шафиров намеренно преувеличивал все утраты, грозившие России, дабы у визиря создалось впечатление, что он требует слишком многого.

— Гавань и верфь тоже разорить до основания! А город срыть. Так велит султан.

Тут подканцлер, якобы вконец утратив самообладание, потрясенно умолк.

Мехмед-паша, отметив это, смягчился:

— Но шведского короля, слава Аллаху, мы отпустим на родину в самое ближайшее время, — он едва заметно улыбнулся, — извольте встретить его, как подобает, и проводить с почетом до самой границы его владений.

Шафиров механически кивнул, тем самым давая понять, будто это дело давно решенное. Полковник Шереметев (отправляя его в лагерь к османам, царь награждал его чином генерал-майора и выплатил жалование за год вперед), будучи единственным свидетелем переговоров, недоуменно молчал. Толком не зная турецкого языка, он лишь улавливал знакомые слова и фразы, но не мог вникнуть в суть разговора.

Зорко следя за живым, подвижным лицом вице-канцлера, новоиспеченный генерал терялся в догадках: на чью сторону склоняется милость капризной богини Фортуны? Судя по крайне удрученному, озабоченному виду Петра Павловича, мзда, которую русским придется отдать за желанную свободу, досадна и чрезмерно велика. То же самое подумал и визирь. Шереметев помрачнел.

Мехмед-паша, заметив это, еще более укрепился в мысли, что его претензии достаточны и вполне уместны. Мир должен быть восстановлен на самых выгодных для Оттоманской Порты условиях.

— Хорошо, — вздохнул Шафиров, — я передам своему государю ваши требования. — Подканцлер развел руками. — Не знаю, согласится ли он.

Визирь помолчал и прибавил:

— Еще мы настаиваем на том, чтобы русские войска были выведены из Польши, и впредь ваш царь не вмешивался в польские дела.

Глаза у Шафирова округлились. Петр, отправляя его в ставку османов, ни словом не обмолвился об отношениях с поляками. Видимо, он не считал, что визирь поднимет этот вопрос. Заметив его недоумение, Мехмед-паша изрек настоятельно:

— Польский король Станислав — друг Оттоманской Порты просил нас об этом.

Подканцлер возразил:

— Но позвольте, досточтимый паша, нынешний король Польши — Август.

— Его силой возвел на престол ваш царь, — оборвал визирь. — Но польский народ намерен вернуть трон Станиславу.

Шафиров приготовился оспорить услышанное, мгновенно сообразив, что даль-

нейшими требованиями османов можно будет попросту пренебречь. Но тут визирь твердо заявил:

— Наш великий и несравненный повелитель требует выдать изменников — бессарабского господаря Кантемира и посла Рагузинской республики — Савву Владиславича. Они оба подло обманули доверие нашего великого султана.

Подканцлер внимательно выслушал все это и не стал возражать. Судьба названных лиц его не особо занимала. Он четко помнил наказ, данный ему Петром: идти на всяческие, даже позорные и унижительные уступки, лишь бы выбраться из жуткой западни. «Соглашайся на все, кроме рабства», — такова была установка, отпущенная подканцлеру государем.

А Шереметев, в волнении и тревоге наблюдавший за происходящим, терзался сомнениями — так ли идут переговоры? Не слишком ли тяжелы условия, диктуемые противником? Глядя на поведение Шафирова, можно было предполагать, что участь осажденных россиян почти катастрофична. Им ничего другого не остается, как покорно сдаться на милость победителя или принять единственный, спасительный выход — ввязаться в немедленную, беспощадную битву.

То же самое думал Мехмед-паша, и это его напугало. Он больше не хотел воевать.

— Если мы, да поможет нам Аллах, придем к обоюдному согласию, — уже значительно мягче произнес визирь, — то можно заключить условия мирного договора. Мы к нему готовы.

Подканцлер минуту подумал и ответил:

— Хорошо. Я передам своему государю требования турецкой стороны.

Петр Павлович говорил негромко и весьма сдержанно, а внутри у него все прыгало и радовалось услышанному. Требования и пожелания османов, к счастью, оказались смехотворно малы и необременительны. Царь пойдет на них с превеликой охотой — ведь главное пообещать, а с выполнением всех обещаний можно и не спешить. Важно только поскорее вырваться из цепкого, смертельного капкана, а будущее покажет...

Пятнадцатого июля 1711 года последние части русской армии — ее Преображенский полк — выходили из окружения. Голодные, исхудавшие лошади едва тащили тяжелые орудия. Солдаты шли в пешем строю. Татарская конница крымского хана вместе с запорожцами некоторое время упорно преследовала отступавших.

Но меткие, прицельные выстрелы «фузилеров» и фитильные бомбочки, бросаемые гренадерами, делали свое дело. Разрываясь с пугающим свистом и грохотом, они осыпали острыми, режущими осколками преследователей. Израненные всадники и лошади откатывались назад, впредь даже не рискуя приблизиться к удалявшемуся противнику.

Царь ехал в возке Шереметева и угрюмо молчал. Казалось бы, удачное завершение провального, изнурительного похода должно если не радовать, то ободрять его вдохновителя, однако же...

Петр искоса взглянул в большое лицо фельдмаршала. Оно заметно осунулось и поблекло, и не голод был тому причиной. Михаил — сын старого полководца, остался в плену у османов вместе с вице-канцлером Шафировым. Они сделались заложниками — «аманатами» — в знак того, что условия договора, заключенного два дня назад, будут непременно выполнены.

— Не гужи, Борис Петрович, — понимающе вздохнул государь, — вот вернемся в Россию, разорим Азов и Таганрог на радость басурманам, тогда турки мигом отпустят твоего Михайлу.

Шереметев печаленно качнул головой. Он не слишком верил в посулы царя,

помня, что подобные обещания не скоро и не часто выполняются. *(Старик окзался прав — сын его так и не вернулся домой. Спустя два года он скончался на чужбине).*

Не дождавшись ответа, самодержец устало заметил:

— А Шафиров, все одно, молодец. Сумел-таки облапошить османского везира! Не будь его хитростей да уловок — неизвестно, что нас бы ожидало.

— Он и впрямь — прокурат! Коль надо, любого обвести вокруг пальца сумеет, — согласился фельдмаршал. — А свободы себе сторговать не смог.

Петр пожал плечами:

— Зато мы с тобой не в клетке и не в кандалах сидим. И басурмане нашей беде не радуются. А сына твоего, вкупе с Шафировым и Толстым, даст Бог, непременно на волю вызволим.

(Вице-канцлер и свежеспеченный генерал были посажены в земляную тюрьму Сибирского замка, где томился русский посол).

Возок с царем и фельдмаршалом двинулся напрямик на север. Чуть позади тянулся обоз, в котором, кроме фур и телег с остатками провианта, скудных запасов пороха, ядер, бомб и картечи, теснились экипажи с измученными, присмирившими женщинами и детьми.

Пожалуй, одна лишь Екатерина, по-прежнему разместившаяся в карете супруги господаря, сидела со спокойным, умиротворенным видом. Все, что ей пришлось пережить, совсем не отразилось ни на внешности, ни на характере и привычках бывшей служанки.

Жена и дочь господаря, еще недавно примерявшие на себя роли турецких пленниц, с изумлением и оторопью наблюдали за оборотистой царской невестой, сменившей, не мешкая, тесный гвардейский мундир на пышное, нарядное платье. Проворно переодевшись, она сразу принялась белиться и румяниться.

Сам Кантемир вместе с ближними боярами и сербом Владиславичем ехал в просторном экипаже, даже не подозревая о том, что Петр ни под каким видом не желал выдать его и сербского посла османам. Он готов был пожертвовать за них «свои земли вплоть до Курска», но не подчиняться требованиям великого визиря.

ЭПИЛОГ

В битве на берегах Прута турки потеряли почти вдвое больше своих солдат, чем русские. Но основные жертвы наша армия понесла, к несчастью, на переходах к месту сражения и обратно. Недостаток фуража и провианта, непереносимый зной, свирепое нашествие саранчи, голод и жажда погубили тысячи русских воинов.

Сам Петр писал своим сподвижникам: «Видел я, как у солдат от действия жажды из носу, глаз и ушей текла кровь. Многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали. А иные, томясь голодом и жаждой, лишали себя жизни...»

Сам государь, несмотря на удачное избавление от неминуемого плена, не слишком радовался такому исходу. Добравшись с берегов злосчастного Прута в мирную Варшаву, где его лицемерно поздравили с благополучным возвращением, царь напрямую заявил: «Мое счастье в том, что я должен был получить сто палочных ударов, а получил только пятьдесят!»

Хрупкий мир с Оттоманской Портой продержался недолго. Четыре месяца спустя османы объявили России войну за невозвращенные крепости по Дону и Днепру. Крепости пришлось вернуть. Однако в январе 1712 года турки вновь бряцают оружием. Но до настоящих военных действий дело все-таки не доходит.

Более того, в Бендерах вспыхивает непримиримая ссора между Карлом и крымским ханом Девлет-Гиреем. Турки яростно нападают на убежище шведского ко-

роля, завязывается нешуточный бой, в котором неистовый Карл теряет четыре пальца правой руки, кончик носа и мочку уха. Его насильно берут в плен и отправляют на родину.

И после пятнадцатилетнего отсутствия Карл XII возвращается в Швецию, рубежи которой он когда-то покинул с шестидесятитысячной армией, а вернулся домой под чужим именем, с одним человеком в свите. Громкая его слава заметно поутихла.

Русских дипломатов — Толстого и Шафирова — спустя два года после тягостного заключения в Семибашенном замке отпустили из пределов турецкой империи. Затем отношения России с Оттоманской Портой вошли в более мирное русло.

А затяжная война со шведами продолжалась еще с десятков лет, закончившись только в 1721 году, три года спустя после гибели Карла XII, безуспешно штурмовавшего норвежскую крепость.

Но и на пороге смерти Петр, по воспоминаниям современников, очень жалел, что не отомстил османам за «прутскую неудачу». Ну что ж, таковы были нравы того славного времени.